
АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ

307

Ю. П. Аверкиева
Ю. П. АВЕРКИЕВА

РАБСТВО У ИНДЕЙЦЕВ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ

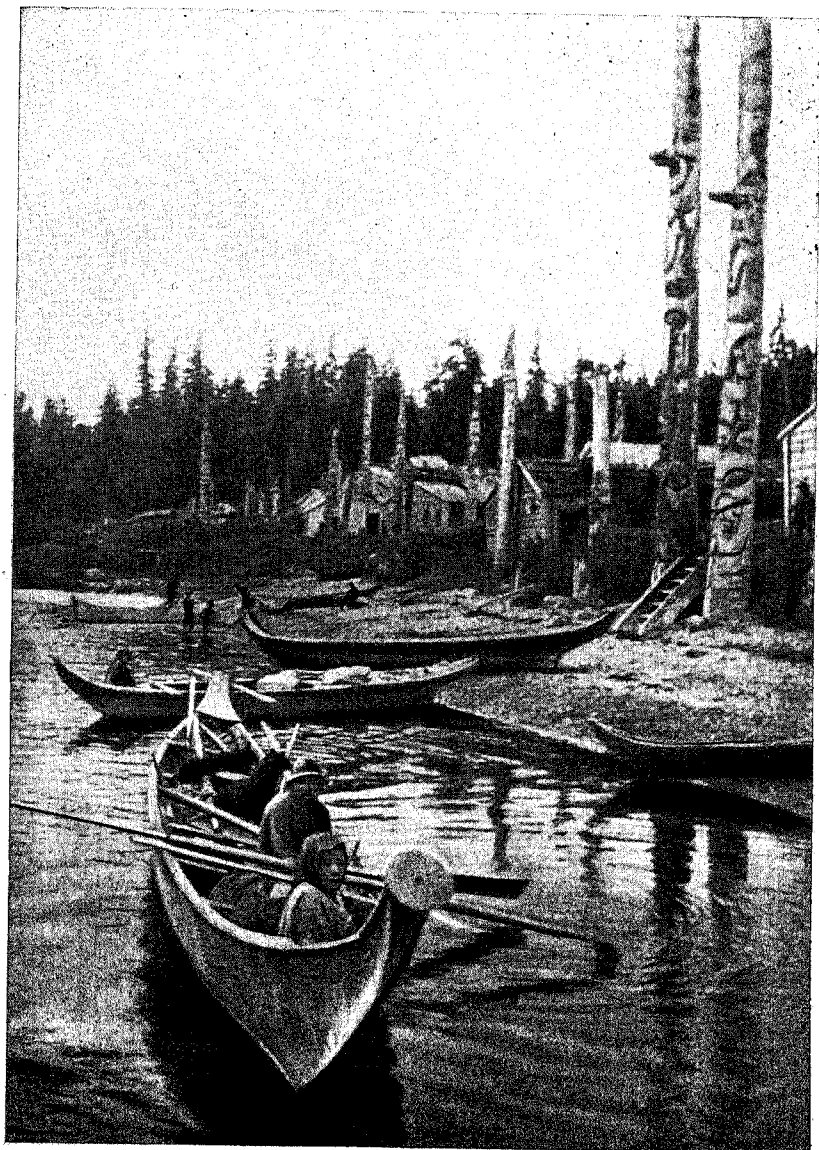
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА • 1941 • ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор
акад. В. В. Струве

21288-45

Индийское селение.

ОТ АВТОРА

Эта работа является кандидатской диссертацией, защищенной автором в июне 1935 г. в Академии Наук СССР. Ее цель — исследование одной из конкретных форм патриархального рабства, существовавшего на северо-западном побережье Северной Америки. Материалом служили данные фольклора и этнографические описания американских этнографов, изучавших племена этого района, а также мои личные наблюдения, произведенные в 1930 г. на острове Ванкувер в Канаде.

Я считаю своим приятным долгом выразить искреннюю признательность профессору Колумбийского университета в Нью-Йорке, главе американской этнографической науки Франсу Боасу, который руководил моими занятиями в упомянутом университете. Благодаря любезному предложению профессора Ф. Боаса, я имела счастливую возможность участвовать в экспедиции на северо-западное побережье Северной Америки под его непосредственным руководством и лично наблюдать и знакомиться с жизнью индейцев квакиютль — одного из племен этого района.

* Покойному профессору Владимиру Германовичу Тан-Богоразу я обязана руководством моей работой, предлагаемой вниманию читателя.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В „Кратком курсе истории ВКП(б)“ дана классическая характеристика различных форм общественного строя в историческом развитии человеческого общества. Основу каждой из этих форм составляет определенная экономическая структура общества, определенный тип производственных отношений.

„Истории известны пять основных типов производственных отношений: первобытно-общинный, рабовладельческий, феодальный, капиталистический, социалистический“.¹

На заре своего исторического развития человеческое общество проходит стадию первобытно-общинных отношений, первобытно-общинного строя, который характеризуется отсутствием частной собственности на средства производства, отсутствием классов, господством общего и совместного труда всех членов общества. В. И. Ленин в лекциях о государстве указывал на то, что „вначале мы имеем общество без классов—первоначальное патриархальное, первобытное общество, в котором не было аристократов“.²

Классическое определение сущности этого „патриархального, первобытного общества“ мы находим в „Кратком курсе истории ВКП(б)“. „При первобытно-общинном строе основой производственных отношений является общественная собственность на средства производства. Это в основном соответствует характеру производительных сил в этот период. Каменные орудия и появившиеся потом лук и стрелы исключали возможность борьбы с силами природы и хищными животными в одиночку. Чтобы собрать плоды в лесу, наловить рыбу в воде, построить какое-либо жилище, люди вынуждены работать сообща, если они не хотят стать жертвой голодной смерти, хищных животных или соседних обществ. Общий труд ведет к общей собственности на средства про-

¹ Краткий курс истории ВКП(б), стр. 119.

² В. И. Ленин, О государстве, Соч., т. XXIV, стр. 366.

изводства, равно как на продукты производства. Здесь не имеют еще понятия о частной собственности на средства производства, если не считать личной собственности на некоторые орудия производства, являющиеся вместе с тем орудиями защиты от хищных зверей. Здесь нет эксплуатации, нет классов".¹

В историческом развитии в недрах этого строя зарождаются и крепнут элементы нового общественного устройства. Развитие производительных сил в результате усовершенствования производства средств существования, развитие обмена, появление частной собственности на движимое имущество, являющееся объектом этого обмена, и сосредоточение ее в руках немногих, подрывали основы первобытно-общинных отношений и создавали условия для возникновения нового способа производства, основанного на рабстве. Рождение этого нового общественного строя было вполне закономерным явлением. „Рабовладельческий строй в условиях разлагающегося первобытно-общинного строя есть вполне понятное и закономерное явление, так как он означает шаг вперед в сравнении с первобытно-общинным строем".² Появление рабства „даже для рабов,—пишет Энгельс,—было прогрессом: военнопленные, из которых они по преимуществу набирались, сохраняли теперь, по крайней мере, жизнь, тогда как прежде их убивали".³

Автор настоящей работы ставит своей задачей показать на конкретном материале индейского общества как и в силу каких причин в недрах первобытно-общинного строя, в условиях которого живут индейцы, возникает рабство, становящееся могильщиком этого строя, показать, что рабство возникает не только на основе перехода к скотоводству и земледелию, но и на основе рыболовства, что решающее значение имеет не сама по себе данная отрасль производства, а уровень развития производительных сил.

Рабство у индейских племен Североамериканского материка возникает на довольно ранней ступени их экономического развития, и это обстоятельство полностью подтверждает положение Энгельса, указывающее на то, что рабство может появиться на такой стадии производства, „на которой народ живет охотой и рыболовством, скотоводством и в лучшем случае земледелием... На этой стадии разделение труда развито еще очень слабо и ограничивается дальнейшим расширением существующего в семье естественно-возникшего разделения труда. Поэтому общественное расчленение ограничивается лишь расширением семьи: патриархальные главы

¹ Краткий курс истории ВКП(б), стр. 119.

² Там же, стр. 104.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 184.

семьи, подчиненные им члены семьи и наконец рабы".¹ Орудиями производства индейцев еще являются каменные топоры, ножи и скребки, луки и стрелы, нет еще металлических орудий труда. Собственность на угодия носит еще в основном общественный характер, но наличие оживленного обмена и частной собственности на движимое имущество подрывают основания коллективизма в труде и распределении. Рабы в этом обществе еще не являются основным производящим классом, свободные индейцы трудятся на ряду с рабами. В данном случае мы, несомненно, имеем раннюю ступень рабовладельческого строя, связанную еще с патриархальными отношениями в обществе. Это та ступень рабства, которую Маркс и Энгельс называли рабством патриархальным. В „Капитале“ Маркс писал: „Здесь нам нет надобности подробнее останавливаться на собственно рабовладельческом хозяйстве, которое тоже проходит ряд ступеней от патриархальной системы, рассчитывающей преимущественно на собственное потребление, до собственно плантаторской системы, работающей на мировой рынок“.² Маркс и Энгельс указывают на существование трех форм рабства — рабства патриархального, рабства античного и рабства плантационного, представляющих собою различные стадии в развитии рабовладельческого строя. На последовательность этих этапов Маркс указывает в связи с наличием влияния торговли на развитие общества. „В античном мире, — читаем мы в „Капитале“ — влияние торговли и развитие купеческого капитала постоянно имеет своим результатом рабовладельческое хозяйство; иногда же, в зависимости от исходного пункта, оно

Тотемный столб.
Квакиютль.
Алерт-Бей, 1930 г.
(Фото автора.)

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 12.

² К. Маркс, „Капитал“, т. III, ч. II, 1938, стр. 708.

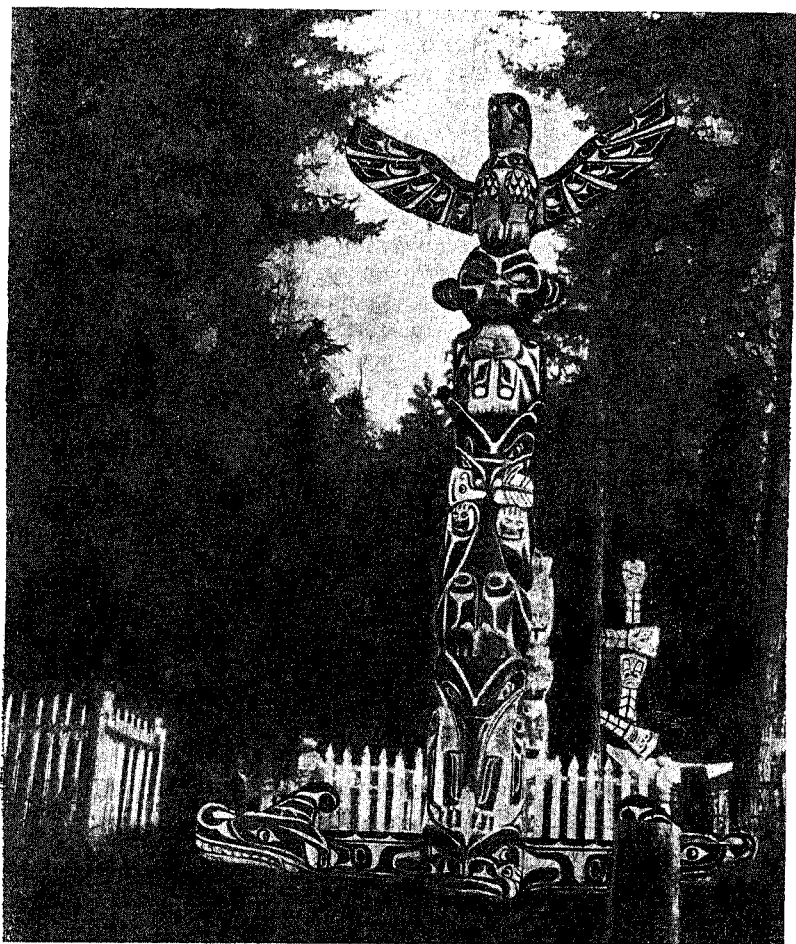
приводит только к превращению патриархальной системы рабства, направленной на производство непосредственных жизненных средств, в рабовладельческую систему, направленную на производство прибавочной стоимости¹. Таким образом Маркс определяет историческую закономерность патриархального рабства как первой ступени рабовладельческого строя. Выводы Маркса основаны на глубоком изучении всей существовавшей в его время научной литературы, касающейся первобытно-общинных отношений, и, в особенности, литературы о греческом и римском обществах, и на анализе значительного уже фактического материала о рабстве, отраженного в этой литературе. Патриархальное рабство характерно и для гомеровской Греции и для римской familia, о которой Энгельс писал: „Слово familia (семья) первоначально означает не идеал современного филлистера, состоящий из сентиментальности и домашней грызни; у римлян оно первоначально даже не относится к супругам и их детям, а только к рабам. Famulus значит домашний раб, а familia—все рабы, принадлежащие одному человеку“².

Накопленный за последнее время трудами многих исследователей огромный фактический материал о племенах и народах, живущих еще в условиях первобытно-общинного строя, со всей убедительностью показывает, что патриархальная форма рабства является всемирно распространенным явлением и закономерным переходным этапом от первобытно-общинного строя к классовому обществу и подтверждает гениальный тезис марксизма-ленинизма, гласящий, что первым классовым делением общества было деление на рабов и рабовладельцев. На повсеместную распространенность рабства указывал В. И. Ленин, когда говорил, что на смену патриархальному обществу пришло „общество, основанное на рабстве, общество рабовладельческое. Через это прошла вся современная, цивилизованная Европа — рабство было вполне господствующим 2 тысячи лет тому назад. Через это прошло громадное большинство народов остальных частей света“³. И действительно, рабство было отмечено у народов Сибири, у племен Китая и Индии в раннюю эпоху их развития; оно является признанным институтом у ряда африканских племен; на американском материке оно встречается у ряда индейских племен: у немепу, команчей, ирокезов, криков и у племен северо-западного побережья. У ирокезов и криков оно появилось незадолго до появления европейцев на материке или даже уже после того, как была открыта Америка, в эпоху военной мощи их конфедерации. Агрессивный ха-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIX, ч. I, стр. 360.

² Там же, т. XVI, ч. I, стр. 41.

³ В. И. Ленин, О государстве, Соч., т. XXIV, стр. 366.

Тотемный столб у могилы вождя одного из родов квакиютль. Алерт Бей. 1930 г. (Фото автора.)

рактиер военного могущества индейских федераций был одним из важнейших факторов в развитии у них рабства. Уже самый факт возникновения союзов племен был отрицанием родовой организации. „Союз племен, — пишет об этом Энгельс, — означает уже начало ее (родовой организации. — Ю. А.) разрушения, как мы это увидим и как это уже сказалоь в попытках поработать другие племена“.¹ В этом поработении Энгельс видит разрушительный элемент конфедерации. В период расцвета лиги ирокезов у них появились рабы, которые

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 77.

стали им необходимы для ведения хозяйственных работ в связи с тем, что сами ирокезы были постоянно заняты в военных походах против соседних индейских племен.

Такой же пример мы имеем в конфедерации криков, где в силу тех же причин, в условиях разлагающегося материнского рода, появляются рабы. Интересно то, что в XVII в. после ввоза рабов-негров для плантационных работ на юг североамериканского материка, крики стали приобретать себе в довольно больших количествах черных рабов.

Но рабство имело место не у всех индейских племен. Об этом, в частности, свидетельствует и факт широко распространенной среди индейских племен практики скальпирования врагов. Как правило, индейцы, не знавшие института рабства, своих пленников убивали или усыновляли. Именно на этой стадии развития находилось большинство североамериканских индейцев ко времени открытия материка индейцами. „Черноногие,—свидетельствует Grinnell,—не щадили никого из своих врагов, убивая мужчин, женщин и детей.“¹ Так же поступали и охотничьи племена прерий, воинственные сиу, ожибвеи, чипевеи и др. Основываясь на данных относительно этих племен, Энгельс писал: „Для человека на низшей стадии варварства раб был бесполезен. Поэтому американские индейцы поступали с освобожденными врагами иначе, чем это было на высшей ступени. Мужчин они убивали или же принимали как братьев в племя победителей; женщин они брали в жены или, иначе говоря, также принимали их в число членов своего племени, вместе с их уцелевшими детьми. Рабочая сила человека на этой ступени еще не дает заметного избытка над расходами по ее содержанию“.²

Появление рабства сопровождается также изменением в психологии индейца, воспитанной равенством родового строя. Отношение индейцев к рабству различно на различных этапах его развития. У индейцев шаста, живущих на севере Калифорнии, рабы держались только в отдельных случаях. Практика эта рассматривалась не особенно благосклонно, и на людей, имевших рабов, смотрели свысока. У племен же северо-западного побережья обладание рабами считалось почетным и являлось признаком богатства и знатности индейца. Обзор характера рабства у отдельных индейских племен показывает, что само патриархальное рабство в своем развитии проходит ряд последовательных ступеней от слабых, случайных форм порабощения до наследственного рабства.

Первоначальные зародышевые формы порабощения, как это мы видим у некоторых индейских племен, отличаются

¹ Grinnell, Story of an Indian, pp. 115, 116 и 123.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 38.

случайностью и слабостью закрепления пленника в рабстве. Например, у племени немепу военнопленные раньше иногда брались в рабство, но оставались на положении рабов лишь в течение некоторого периода; по ознакомлении пленников с жизнью и языком племени их захватившего, они становились членами его либо через брак, либо через усыновление. Часто по истечении некоторого времени пленников отпускали к себе на родину. Характерен термин, которым обозначались рабы у этого племени, *watxwayamtas*, что в переводе означает „тот, которого можно посылать сердитым голосом“.

У ирокезов, криков и материковых селиш рабство было пожизненным, а у индейцев северо-западного побережья оно развилось уже в наследственный институт. Здесь патриархальное рабство достигло своего предельного развития. Оно существовало в условиях отживающего родового строя у племен, занимавшихся рыболовством. Анализу этой среды, в которой развилось наследственное патриархальное рабство, посвящена данная работа.

ГЛАВА I

Обзор литературы. Северо-западное побережье Северной Америки является одним из наиболее изученных в этнографическом отношении районов этого континента. Главными исследователями его являются Ф. Воас и J. Swanton. Этим авторам принадлежит целая серия работ, посвященных изучению отдельных племен побережья. Особенно многочисленны труды Ф. Воас, изучающего побережье в течение пятидесяти лет. В диапазон его блестящих исследований входят почти все племена побережья: тлинкиты, хайда, нутка, береговые селиш; но главное свое внимание он сосредоточивает на племени квакиютль и отчасти цимшиян. Изучением квакиютль Ф. Воас продолжает заниматься и теперь. Последняя его поездка к этому племени была совершена в 1930 г.; в этой поездке принимал участие и автор настоящей работы. В настоящее время Ф. Воас пишет большой труд, посвященный племенам квакиютль.

Проф. Воас в своих трудах, изображая лишь в основных чертах хозяйственную жизнь и антропологический тип изучаемых племен, главное внимание обращает на исследование мифологии племен и их религиозно-социальных институтов, тайных обществ, шаманизма, зимних мистерий, потлача и т. д. Именно исследованию этих явлений посвящены, главным образом, основные фундаментальные труды Ф. Воас, как то: „Social Organisation and Secret Societies of the Kwakiutl Indians“,¹ „Tsimshian Mythology“, „Kwakiutl Religion“, „Kwakiutl Ethnology“ и др. По фольклору квакиютль и цимшиян Воас опубликовал многотомные труды; назовем здесь его „Kwakiutl Texts“, напечатанные в трудах джезуповской экспедиции; „Tsimshian Texts“—в отчетах бюро американской этнографии (A.R.B.A.E.) и „Kwakiutl Tales“. Кроме этого, Ф. Воас занимался изучением весьма своеобразного искусства племен северо-западного побережья и дал блестящее его описание в книгах „Decorative Art of the Indians of the

¹ Точное название, место и год издания упоминаемой и цитируемой в работе литературы см. в списке литературы, стр. 100—103.

North Pacific Coast“ и „Facial paintings of the Indians of Northern British Columbia“. Анализ искусства племен побережья сделан им в отдельной главе в его оригинальной и исключительно интересной работе „Primitive Art“. Лингвистические исследования также не оказались в стороне от интересов этого выдающегося ученого, являющегося автором ряда грамматических трудов и словарей языков племен побережья.

J. Swanton изучал, главным образом, племена хайда и тлинкит. Главное внимание было сосредоточено им на собирании и анализе фольклора этих племен. Им опубликованы: „Tlingit Myths and Texts“, „Haida Texts and Myths“ и „Haida Texts“. Он является также автором и общих работ, посвященных племенам хайда и тлинкит; „Social Conditions, Beliefs and Linguistic Relationship of the Tlingit Indians“, „Contribution to the Ethnology of the Haida“.

Кроме Boas и Swanton, северо-западное побережье привлекало внимание и целого ряда других этнографов, как, напр.: Emmons, G., изучавшего ткачество и плетение тлинкит; Farrand, L. занимавшегося изучением племен селиш; Sapir, E., исследовавшего языки нутка, цимшиян, селиш; Teit, I. — исследователя племен селиш; Tate, H. собиравшего фольклор цимшиян, и др. Одним из ранних исследователей района был E. Niblack, давший монументальную монографию о племенах севера побережья „The Coast Indians of Southern Alaska and Northern British Columbia“. Необходимо также отметить археологические исследования района, произведенные H. Smith. Южную часть района изучали J. Teit и E. Gunther.

Общей чертой всех этих исследований является то, что они ограничиваются лишь эмпирическим описанием отдельных сторон жизни и быта племен. Ни одна работа не поднимается до обобщения отдельных явлений жизни того или иного племени, до раскрытия взаимной связи этих явлений и причин их вызвавших, а также закономерности развития общественных институтов у племен этого района. Нет ни одной работы, которая представляла бы данное конкретное общество в его единстве и многообразии. Это явление объясняется тем, что, как уже явствует из самого названия работ, вопросы экономической структуры индейских обществ менее всего интересовали исследователей. Большинство трудов посвящено исследованию языка, фольклора, обрядовых институтов и пр. Отсутствие знания того, что составляет основу общества, незнание его экономической структуры, голый эмпиризм, отсутствие исторического подхода к изучаемым институтам объясняют несостоятельность американских буржуазных ученых в трактовке анализируемых ими явлений.

Несмотря на многочисленность этнографических трудов о племенах побережья проблема рабства осталась почти не изученной. Этот факт, с одной стороны, можно поставить в

связь с общей, вышеуказанной, тенденцией исследователей, а с другой стороны, он является результатом того, что рабство обычно считалось всего лишь незначительной „случайностью“ в жизни индейских племен. В работах американских этнографов мы встречаем лишь отдельные упоминания о том, что рабы некогда существовали, что рабы были наследственными, что рабов убивали во время празднеств и т. д. Лишь Niblack останавливается на этом вопросе более подробно. Этим в основном и исчерпывается весь материал этнографических работ по вопросу о рабстве у индейских племен.

Источники. Но собранный указанными исследователями фольклорный материал является ценнейшим источником для исследования рабства. Наиболее ранние упоминания о рабстве у племен северо-западного побережья мы встречаем у путешественников: Литке, Лисянского, Давыдова, Simpson, Belsher, Kotzebu, Шабельского. Сведения этих путешественников носят случайный, разрозненный характер и касаются в основном лишь правового положения рабов.

Ценные сведения приводит священник Вениаминов, проживший на побережье около 10 лет (между 1824—1838 гг.) и имевший возможность близко наблюдать условия жизни индейских племен северо-западного побережья. Он довольно полно освещает характер рабства у тлинкит и алеутов. И. Петров и Dall, посетившие Аляску значительно позже Вениаминова, в своих трудах, касаясь рабства, полностью опираются на сведения последнего.

В отношении племен нутка ценные сведения приводят Jewitt и Sproat. Первый, проживший в рабстве у одного из вождей нутка в течение 3-х лет (1803—1805), в своей работе „Narrative of the Adventures and Sufferings of John Jewitt“ дает довольно полное описание рабства у этих племен. Как Jewitt, так и Sproat, который прожил у этих же племен пять лет (1860—1866) в качестве управляющего колонией, останавливаются достаточно подробно на вопросе хозяйственного использования рабов. В этом отношении их работы как первоисточники являются непревзойденными. Правда, за последние годы опубликован ряд работ молодых исследователей культуры племен этого района, в которых авторы более подробно останавливаются на вопросе экономического значения рабов в хозяйстве этих племен. К такого рода исследованиям относятся: V. Garfield „Clan and Society among Tsimshian“,¹ R. Olson „Quinault Indians“,² „Social Organisation of the Haisla of British Columbia“,³ Ph. Drucker „Rank, Wealth and Kinship in Northwest Coast Society“⁴ и ряд других.

¹ Washington University Publications in Anthropology, vol. 7, № 3, 1939.

² Ibid., № 6/1, 1936.

³ Anthropological Records, University California Press, vol. 5, № 5, 1940.

⁴ American Anthropologist, vol. 41, № 1, 1939.

ГЛАВА II

Территория. О северо-западном побережье мы будем говорить лишь в следующих границах—пролив Жуан-де-Фука на юге и Берингов пролив, или Якутат, на севере. Побережье изрезано множеством фиордов и заливов и богато реками. Почва в основном каменистая. Влажность высока и благодаря этому низины покрыты дремучими лесами. Важнейшими реками здесь являются Колумбия, Белла-Кула и Фрезер. К побережью примыкает целый ряд островов; крупнейшие из них— Ванкувер, о-ва королевы Шарлотты и о-ва принца Уэльского,— образуют как бы цепь, тянущуюся с юга от залива Жуан-де-Фука до Аляски. Между этой „цепью“ и материком расположен целый ряд мелких островов.

Побережье отделено от материка хребтом скалистых гор, который затрудняет доступ к внутренним частям материка и тем самым оставляет его в условиях естественной изоляции от материка и его жителей. Связи могли быть поддерживаемы только по рр. Скина, Лососевой, Белла-Кула и Колумбия.

Население. Это побережье Североамериканского материка заселено большим количеством мелких индейских племен, которые Воас делит на семь лингвистических „семей“: глиникиты, обитающие в южной части Аляски; хайда—на о-вах королевы Шарлотты и южной оконечности о-вов принца Уэльского; далее к югу димшиян—на рр. Насс и Скина и прилегающих к этой части материка островах; южнее димшиян живет группа племен вакаш, к которой относятся квакиютль—на восточном побережье о-ва Ванкувер и противоположащих островах и части материка, и нутка—на западном побережье этого острова. Самый юг района населяют племена береговых селиш. Благодаря благоприятным водным путям сообщения между различными частями побережья, отдельные племена побережья находились в тесном общении между собой. Это общение и сходность географической среды, в которой они обитают, наложили общий отпечаток на весь их культурный и хозяйственный быт. У всех племен сохранился еще родовой

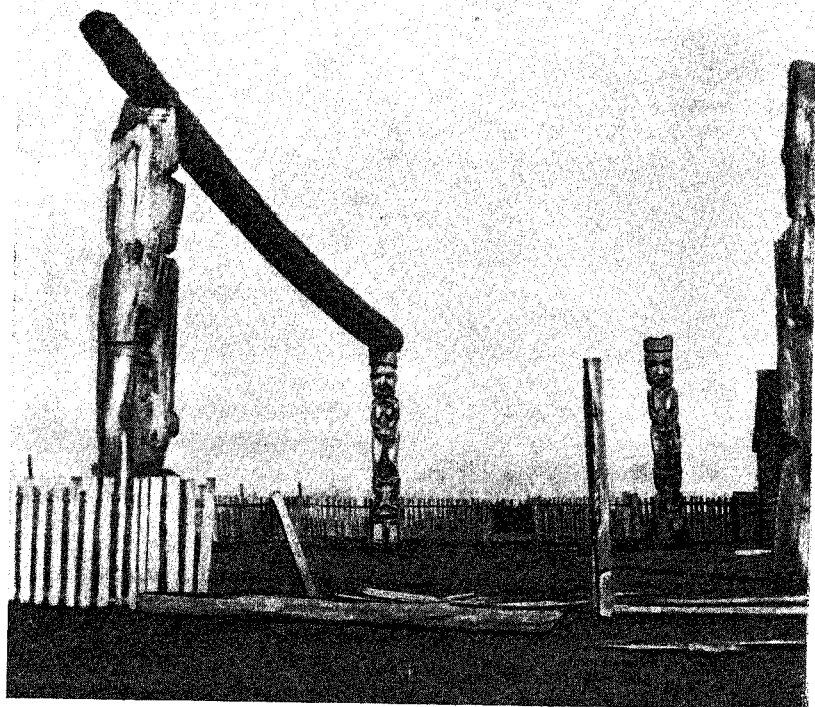
строй, но уже на стадии его разложения, на стадии его перехода от материнского рода к отцовскому.

Северные племена—тлинкиты, хайда, цимшиян и некоторые из племен квакиютль—сохранили еще фратриальное деление. Тлинкиты разделены на три фратрии—ворона, волка, касатки; фратрия ворона состоит из родов ворона, лягушки, морского льва, лосося, бобра, трески и др.; имена же родов фратрии волка таковы: волк, медведь, орел, чайка, громовая птица и др. Роды селятся вместе либо в одном доме, если же род многочислен, то в нескольких домах. Каждый дом носит название тотемного животного или части его, которым обозначаются и жители этого дома; напр. род медведя называется „живущие в доме медведя люди“. Хайда разделены таким же образом, как и тлинкиты. Цимшиян делятся на четыре фратрии: ворона, волка, орла, медведя. Фратрия ворона объединяет роды: ворона, трески и морской звезды; фратрия волка—роды волка, журавля, медведя и т. д. Хейтсук разделены на три фратрии: ворона, орла и касатки. У двух племен южных квакиютль сохранилось также фратриальное деление, но фратрии уже не носят тотемные названия, а называются именами позднего типа, как то: „богатые“, „великие“, „богатая сторона“ и т. п.

Фратрии были связаны между собою одновременно и узами традиционного соперничества и узами взаимопомощи. Согласно их древнему обычаю, одна фратрия обязана была сооружать родовые дома другой фратрии; она же была обязана отправлять и религиозные обряды, связанные с погребением. Экзогамия распространялась на одноименные фратрии всех племен. Так, например, член фратрии ворона племени тлинкит не мог жениться на женщине фратрии ворона хайда и наоборот. Во время набегов члены одноименной фратрии в рабство не брались.

У северных племен, в большей степени чем у племен юга, сохранились пережитки материнского рода. Брак здесь уже ко времени открытия побережья европейцами был патрилокален, в том смысле, что большую часть времени брачная пара жила в доме мужа, но некоторое время после заключения брака молодожены оставались в доме жены.

В то же время, когда муж и жена жили в доме первого, дети их, как правило, отсылались в род жены, чаще всего к ее брату, которому они наследовали. Murdock, ездивший в этнографическую экспедицию к хайда в 1932 г., констатировал, что этот обычай сохранился до последнего времени. „Сын до его переезда к дяде,—пишет он,—живет с матерью. . . 10-летний мальчик оставляет своих родителей и поселяется у дяди. . . Он помогает дяде во всех его работах, рыбной ловле, охоте, постройке челноков, в военных походах и т. д. Дядя отвечает за его поведение и развитие. Он защищает своего

Остатки большого дома; резные столбы поддерживают балки дома. Форт Руперт. 1930 г. (Фото автора.)

племянника. Когда умирает глава дома и у него нет братьев, ему наследует старший сын старшей сестры".¹

Состав домохозяйства, приводимый у Murdock, в отношении хайда свидетельствует об этом смещении матрилокальности и патрилокальности брака: „домохозяйство, — пишет он, — нормально состоит из жены или жен (главы его. — Ю. А.), незамужних дочерей его, сыновей моложе десяти лет, замужних дочерей с их мужьями и детьми, его младших братьев с их женами и детьми, несовершеннолетних сыновей его сестры, и нескольких племянников с семьями, и, возможно, нескольких бедных родственников, и одного или двух рабов“.²

Южные племена района группы селиш имели настолько ярко выраженный патриархальный строй, что американские исследователи отрицали наличие здесь когда бы то ни было материнского рода. У квакиютль переходный момент от ма-

¹ Murdock, Kinship and Social Behaviour among Haida, p. 358.

² Murdock, Rank and Potlach among Haida, p. 15.

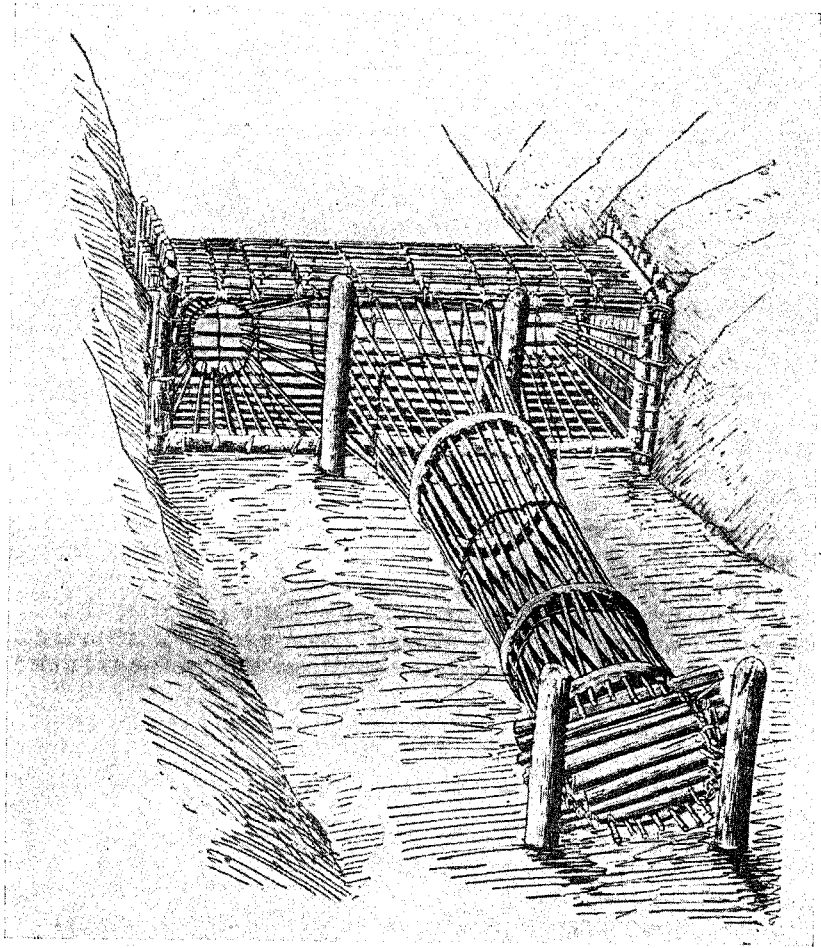
теринского рода к отцовскому наиболее выражен. Здесь мы имеем как бы борьбу элементов отцовского и материнского родов. Сильнее уже элементы отцовского рода. Брак здесь патрилокален, но первое время после заключения брака пара живет в доме тестя, как и у северных племен. Обычно это продолжается 1—2 года, пока не родится ребенок. Имя ребенку обычно дает отец матери, т. е. род матери, а второе имя дает род отца. Счет родства, следовательно, здесь идет по обоим линиям.

Разложение родовой организации наиболее далеко зашло у индейцев квакиютль. На это указывают самоназвания родов и фратрий, где преобладают имена почета, напр.: „вожди“, „получающие первыми“, „те, которых боятся“, „те, кого все знают“ и т. д. Это сказалось и на родовых легендах, в которых рассказывается о появлении на свет предка того или иного рода, о его деятельности, которая обычно начинается с выбора места жительства и постройки на нем большого дома. Во всех этих легендах предками родов являются мужчины или они превращаются в мужчин из животных. Тот факт, что предком родов квакиютль всегда считается мужчина, по нашему мнению, свидетельствует о том, что родовые легенды этого народа—образование сравнительно недавнего времени и что они могли возникнуть только в период становления отцовского рода. Здесь мы, повидимому, имеем дело с явлением аналогичным тому, которое отметил К. Маркс в отношении греческих родов: „Господину Гроту следует далее заметить, что, хотя греки и выводят свои роды из мифологии, эти роды древнее, чем созданная ими самими мифология“¹...

Несмотря на то, что названия родов квакиютль не связываются с теми животными, в образе которых появились их предки, эти животные считаются индейцами их добрыми гениями, покровителями и тотемами родов. Каждый род изображал этих животных на своих домах, тотемных столбах, масках, утвари и орудиях. Эти изображения в литературе о населении северо-западного побережья принято называть родовыми гербами.

Интересно отметить здесь оригинальный характер наследования у квакиютль. Права на пользование рыбалками и охотничьими угодьями, лодки, дом, место вождя—все это наследуется старшими сыновьями. Но, наряду с этим патриархальным способом наследования, существует еще иной, связанный с нормами материнского рода. Брак квакиютль играет роль института наследования, т. е. согласно их обычаю отец невесты обязан передавать своему зятю права: на участие в тайных обществах, на имена, на употребление опре-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 81.

Запруда для ловли лососей. Квакиютль.

деленных гербов и масок и на исполнение танцев. Зять же эти права передает затем своему зятю и т. д., что приводит в конечном счете к тому, что они наследуются по женской линии. И этот обычай настолько строг, что если мужчина не имеет дочери, то он „женит“ на своей руке, или ноге, или боку то лицо, которому намеревается передать эти права. Заключается, таким образом, фиктивный брак. Весьма оригинальным пережитком материнского рода у квакиютль является обычай, согласно которому зять, получив имя от своего тестя, отныне носит только это имя, оставив свое прежнее, и тем самым как бы является членом рода жены, живя в то же время, обычно, в доме своего отца. Характерно

также для брака квакиютль, что приданое невесты обычно превышает в несколько раз калым, внесенный за нее. Это приданое отец женщины выплачивает в течение нескольких лет и, когда оно внесено сполна, брак считается аннулированным и женщина свободна и может возвратиться в дом своего отца. Продолжение брака может быть обеспечено только взносом со стороны мужа нового калыма родственникам жены.

Еще лет 40 тому назад по всему побережью индейцы жили в больших деревянных домах. Дом сооружался сообща. У тлинкит и хайда долго сохранялось древнее правило, согласно которому дом сооружался членами противоположной фратрии. На фасаде этих домов изображался родовой тотем или ставился около дома тотемный столб. Столбы, поддерживавшие крышу дома, обычно покрывались резьбой, изображающей тотемов обитателей дома. В доме селилось несколько семейств членов одного рода. Каждая семья имела свой огонь и свой угол в доме, отгороженный лыковыми циновками. Семейные спальни сколачивались из досок и располагались одна рядом с другой на широкой платформе, идущей вдоль стен дома. Посредине дома устраивалось углубление, в котором разводился общий костер. Род обычно расселялся в нескольких домах, которые носили свои имена, и обитатели его назывались по именам домов. Дома одного рода в поселке стояли вместе.

Хозяйство свое обитатели больших домов вели на общинных началах—имели общие рыбалки и охотничьи территории; мужчины совместно охотились, женщины собирали ягоды. Материал о больших домах индейцев этого района был известен Ф. Энгельсу. В своей работе „Происхождение семьи, частной собственности и государства“ Энгельс, рассматривая экономические основы родовой организации, пишет: „Домашнее хозяйство ведется на коммунистических началах для нескольких, часто для многих семей“. И в ссылке к этому положению Энгельс добавляет: „В особенности на северо-западном побережье Америки—см. Банкрофта. У [племени] хайда на острове королевы Шарлотты встречаются под одной крышей хозяйства, охватывающие до 700 человек. У нутка под одной крышей жили целые племена“.¹ Рабство, правда, нарушило эту общность домохозяйств, выделив семьи экономически более сильные и противопоставив их остальным более слабым семьям и отчасти поставив последних в экономическую зависимость от первых.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 135.

ГЛАВА III

Рыболовство, охота и собирательство. Это своеобразное единство общественной жизни у племен северо-западного побережья объясняется сходностью их хозяйственной деятельности, одинаковым уровнем развития производительных сил. Главным занятием индейцев этого района является рыболовство. Доминирующая роль его, в значительной степени, обуславливалась тем, что заливы и реки побережья изобиловали различными видами рыбы.

Главную роль в хозяйстве играли лососи. „Реки Британской Колумбии посещают по крайней мере семь разновидностей лосося“, — пишет Prince — комиссионер рыболовных угодий Канады.¹ Кроме лососей, в больших количествах вылавливалась треска, камбала, сельдь и аляскинский снеток *Thaleichthus Pacificus*. Из последнего вываривался жир, единственный жировой продукт на побережье.

Мягкий морской климат побережья позволяет ловить рыбу почти круглый год. Ранней весной ловится сельдь, затем, с мая-июня, начинается ход лосося, различные виды которого сменяют друг друга до глубокой осени.

У Prince же мы находим следующие данные в отношении хода рыбы: „чавычи первыми поднимаются из моря. Они идут от весны до июля, но не очень многочисленны для того, чтобы их консервировать. Они часто появляются зимой в проливе Георгия, и индейцы ловят их. Нерка или красная рыба наиболее ценна из всех пород... Она идет в реки в громадных количествах от июня до сентября. Кижучь появляется в меньших размерах и позже и идет до ноября. *Salmogardneru* ловится всю зиму и идет не так густо, как нерка... Затем идет кета... она плоха. Горбуша появляется несколько раньше, чем закончился ход нерки, и так как она коммерчески не выгодна, то надоедает рыбакам, которые иногда вылавливают в утро до 60 000 штук горбуши и 15—10 000 нерки“.²

¹ Dawson, North America, pp. 499—502.

² Ibid, pp. 499—502.

Лисянский приводит следующие сведения о ходе рыбы применительно к Аляске. „В феврале-марте появляется у берегов сельдь, которую ловят неводами. В июне—наибольший ход красной рыбы, нерки, за красной рыбой следует горбуша, хайко и, затем, кижуч“.¹ Он говорит лишь о четырех видах лососей, наиболее экономически выгодных, но данные о чередовании рыбы не расходятся со сведениями Prince. У цимшиян существует легенда о ходе различных видов лососей. Эта легенда не расходится с вышеприведенными данными. Начинается она так. Мальчик попал в деревню весенних лососей (чавычи), которая находится на дне моря. „Ранней весной вождь племени чавычи посылает разведчиков узнать, выпали ли в реки Насс и Скина листья тополя. После известия о выпадении этих листьев вождь лососей собирает свой народ и приказывает ему собираться ехать в реки. По пути они заехали в поселок Кижучь и жители последнего сообщили гостям, что они тоже пойдут в реки, как только гости отойдут на некоторое расстояние“. Затем чавычи встретили на своем пути челноки *Salmogardnery*, которые передвинулись в реки ранней весной, а теперь уже возвращались домой. „Вскоре они подъехали к большому поселку горбуш. Вождь горбуш сообщил вождю чавычи, что и они поднимутся в реки Скина и Насс после того, как пройдут *Salmogardnery*. Затем они подъехали к одному поселку; дома в нем были украшены радугой. Это был поселок кеты. Здесь заявили, что они пойдут после горбуши. После этого племя чавычи подъехало к поселку племени кижучь, которые сообщили: «Мы будем ждать поздней осени и выйдем как раз перед тем временем, когда будет лед на реках». Затем они подъехали к поселку форелей, которые попросили их обождать, так как они хотели итти впереди (чавычей). Чавычи согласились“.²

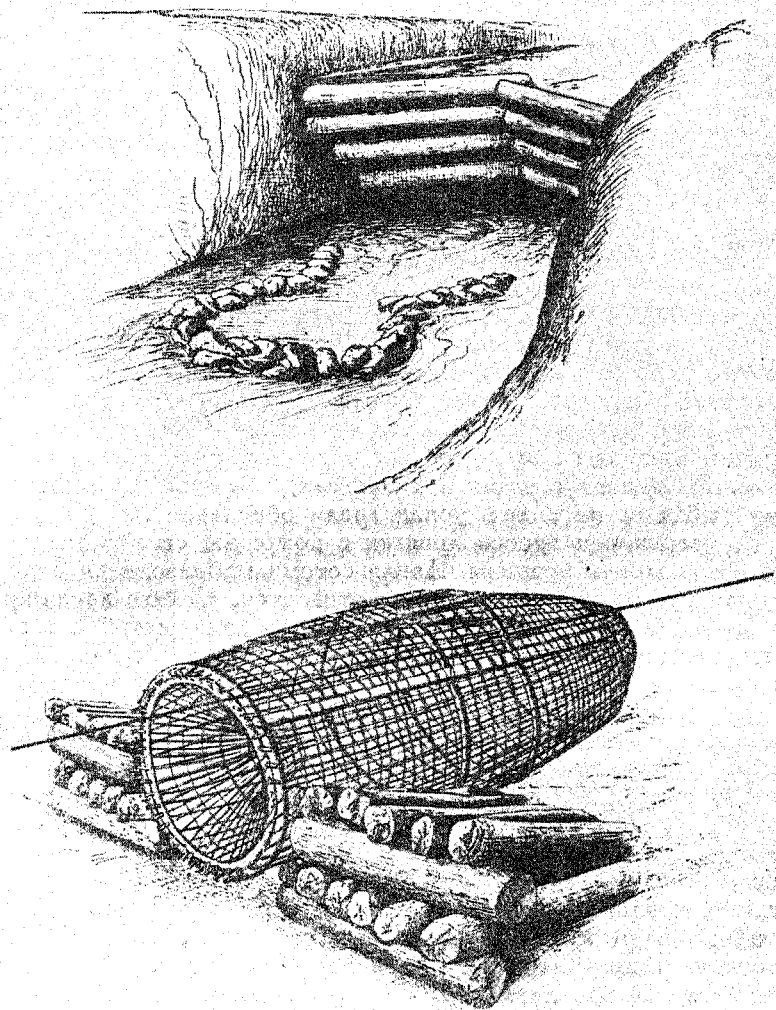
В настоящее время все рыболовные угодья индейцев находятся в руках канадского правительства и правительства США. На рр. Фрезер, Насс, Скина и Речном заливе расположены рыбоконсервные фабрики канадских и американских капиталистов. „Особенно экстенсивно ведется работа на реке Фрезер“,—сообщает Prince.³ Эти фабрики работают исключительно во время наибольшего хода рыбы. Индейцы могут запастись рыбой для себя только в осенние и зимние месяцы, когда она особенно малочисленна.

Техника рыболовства у племен северо-западного побережья достигла значительного совершенства в смысле дифференциации орудий и приспособления их к различным усло-

¹ Лисянский, Путешествие вокруг света, стр. 95—96.—См. также: Крузенштерн, Путешествие вокруг света, стр. 95.

² Boas, *Tsim. Mythol.*, pp. 195—197.

³ Dawson, *North America*, p. 502.

Типы запруд для ловли лососей. Квакиютль.

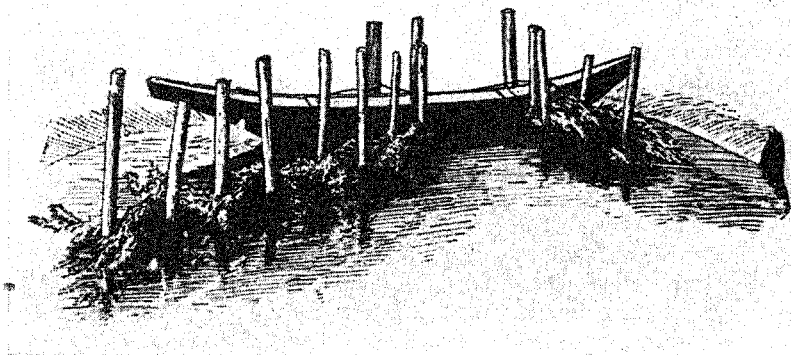
виям. Ловили рыбу с помощью запруд, сетей, крючков, острог, граблей и сачков. Основной вид вылавливаемой рыбы — лосось ловился, главным образом, с помощью запруд. Существовало несколько типов запруд в зависимости от реки, в которой ловилась рыба. Поперек узкой реки сплетали из прутьев забор, к которому вверх по течению прикреплялась длинная корзина-верша, куда заходила рыба. В более широких реках, на одной из сторон, при помощи бревен, сложенных друг на друга, устраивался узкий проход, в который ставилась длинная, овально сплетенная корзина-верша (морда). В других случаях устраивался углом из бревен забор, а с внутренней стороны угла, посередине, выкладывалась из камней загородка, которая задерживала повернувшую обратно рыбу.

Кроме запруд, лосося ловились еще в незначительных количествах на крючки, а в поздние сезоны их убивали двуконечной острогой. „В мелких реках, — пишет Goddard, — кета легко ловится на крючок, прикрепленный к длинной жерди, причем крючок тащится по дну реки вслед за челноком рыбака. Рыба идет в таких количествах, что несмотря на то, что рыбак ее не видит, успех ловли обеспечен“.¹

В устьях рек лосося ловят с помощью сетей, сплетенных из волокна крапивы. Ловля сетями производится с двух лодок, между которыми она натягивается. Сейчас ловля производится почти исключительно с помощью сетей и в значительном количестве употребляются моторные лодки. Кроме лосося, играющего главную роль в существовании индейцев, большое значение имеет палтус; он ловится почти круглый год, правда — зимой в незначительных количествах. Его ловят с помощью специально для этого изготавливаемых деревянных крючков, насаженных на веревку из крапивы. Нутка и квакиютль гнут крючки из распаренного дерева; на сере употребляется крючок в форме острого угла, тоже из дерева, орнаментируется резьбой и заканчивается острым костяным наконечником с наживленным червячком (рис., стр. 27). Квакиютль опускают в воду крючки парами (рис., стр. 29). Треска ловится также при помощи деревянных крючков. *Thaleichthys Pacificus* и сельдь ловились при помощи особых граблей с костяными зубцами, замененными позже железными гвоздями. Кроме того, ловили их при помощи сетей, натянутых между двумя лодками. Икру сельди собирали на еловые ветки, разбросанные в воде вдоль берега.

По свидетельству всех исследователей этого района, рыба вылавливалась в громадных количествах. К сожалению, цифр, указывающих на размеры лова, почти нет, за исключением указания Krause в отношении тлинкит, и то не по

¹ Goddard, *Indians of the Northwest Coast*, p. 67.

Запруда для ловли *Thaleichthys Pacificus*.

основному виду рыбы, а в отношении *Thaleichthys Pacificus*, которая вылавливалась исключительно для жира. Ее в больших массах вываривали с помощью горячих камней в закопанных в песок лодках. В отношении этой рыбы Krause дает цифровые данные, согласно которым трехместный челнок, наполненный рыбой, давал до 5—6 галлонов жира. „В 1802 г. у чилкат на человека приходилось от 8 до 12 челонок жира“,¹ следовательно, по 40—60 галлонов. Несмотря на отсутствие данных о размерах улова лососей, все же можно предполагать, что уловы были весьма обильны, исходя из сведений о громадных количествах рыбы, появляющейся в реках побережья, и принимая во внимание эффективность и приспособленность к условиям лова рыболовных средств. Здесь создались такие условия производства, при которых, как указывает Энгельс, „рабочая сила человека становится способной давать значительно больше продуктов, чем это необходимо для существования производителя“.²

Кроме рыболовства, племена побережья занимались охотой на морских и материковых животных. Однако охота велась не столько ради приобретения продуктов питания, сколько ради шкур, служивших и одеждой и единицами обмена и накопления „состояния“. Особенно высоко ценились шкуры бобров и выдр. „Шкуры сих животных, — читаем мы в «Путешествии» Давыдова, — по драгоценности своей были причиною всех частных предприятий, там учиненных“.³

¹ Krause, Tlinkit-Indianer, p. 178.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 150.

³ Давыдов, Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, т. I, стр. 182.

Русско-американская компания запрещала туземцам носить одежды из шкур этих животных, для ношения разрешались только „еврашки“.¹ Кроме бобров и выдр, охотились на тюленей, моржей, белуг. Этих зверей били с помощью гарпунов и копий. На охоту отправлялись партией в 4—5 человек с гарпунщиком на носу лодки. Зимой охотились на лосей, оленей, горных коз, медведей, лисиц и других животных. Оружие охотника на этих животных состояло из лука, стрел с наконечниками из раковин, колчана и копья. Обычно он отправлялся один на свою охотничью территорию, захватив с собою инструмент для установки западней, ям и других ловушек для зверей. Обычно охотники имели постоянные хижины на местах охоты, где они ежегодно проводили свой охотничий сезон, поселяясь в них иногда на неделю и только изредка посещая свой поселок. Иногда и жены сопровождали их на охоту и жили с ними в лесу, полагая убирать мясо и обрабатывать шкуры.

Довольно значительную роль в экономике населения играло собирательство. В больших количествах собирались ягоды, дикie плоды, корни, морские водоросли и раковины. Морские водоросли разрубались и высушивались в виде пряников,² ягоды также высушивались в виде пряников. Корни обычно употреблялись в свежем виде, а раковинные моллюски высушивались и в таком виде заготавливались на зиму. Орудием собирательства являлась простая остроконечная палка для копания корней. Выработался целый ряд специфических для этого района рецептов и процессов приготовления и консервирования продуктов, которые подробно описаны у Boas.³

Гористость местности и обилие дождей явились неблагоприятными факторами для развития земледелия на побережье. Разводился лишь табак на маленьких клочках земли. Встречаются также упоминания о попытках культивации корней клевера, которые обычно собирались в диком виде и являлись одним из любимых кушаний индейцев. После захвата побережья белыми были попытки привить индейцам земледелие, но они окончились неудачей. Правда, первое время некоторые индейцы начали было выращивать картофель на маленьких огородах около дома, но и эта культура уже оставлена лет 20 тому назад. Мне указывали лишь места, поросшие густой травой, где были огороды. Несмотря на неудачу, канадское правительство до сих пор не оставило еще надежды сделать индейцев Британской Колумбии земле-

¹ Там же, стр. 120. Еврашки — парки, шитые из шкур полярного суслика.

² Образец такого пряника имеется в Музее Института этнографии Академии Наук СССР.

³ Boas, Ethnology Kwakiutl, ч. I.

дельцами. Теперь оно пытается насаждать земледелие через индейские школы. Например, около школы в поселке Алерт-Бей, на маленьком острове в проливе между материком и островом Ванкувер, разведен опытный огород, где дети, работая, якобы получают опыт в сельскохозяйственном деле, на самом же деле это одна из форм эксплуатации детей.

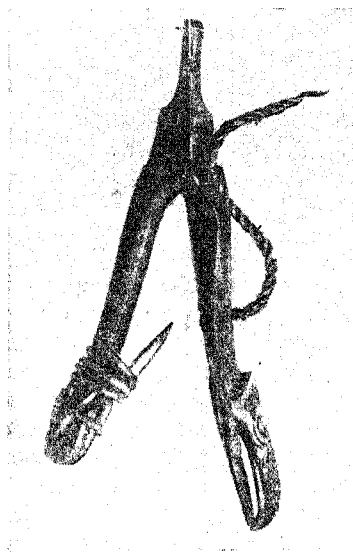
Ловля рыбы и охота были преимущественно делом мужчин, женщины играли подсобную роль—помогали в гребле, очищали рыбу, вялили и консервировали ее. Точно так же и в охоте женщины нередко сопровождали мужчин в их охотничьих экспедициях, помогая вялить и консервировать мясо.

Собирательство было делом женщин, хотя нередко им помогали дети и мужчины.

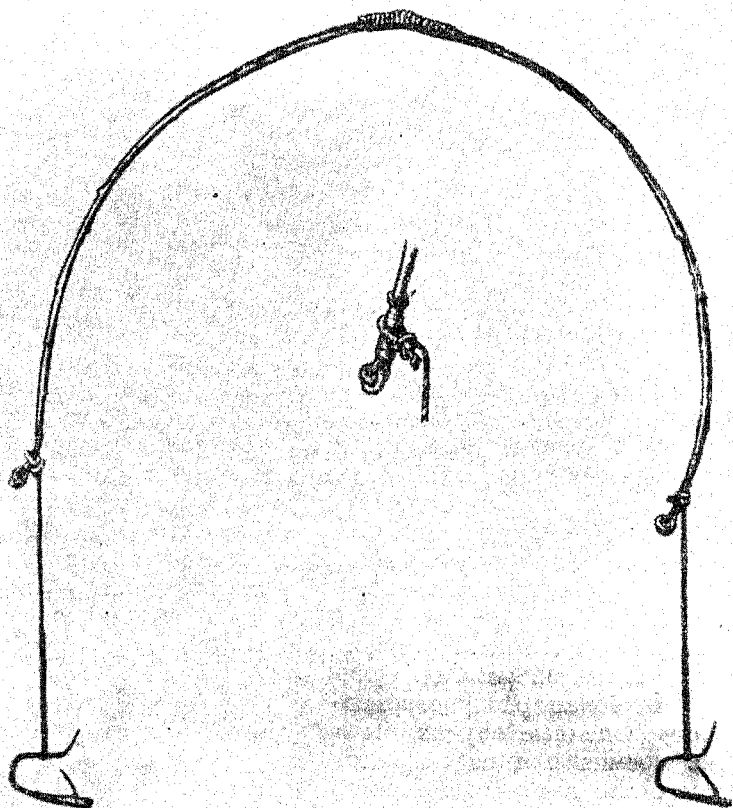
Орудия труда. Сооружение запруд требовало больших затрат человеческого труда, запруды из бревен были особенно трудоемки. Для них, прежде всего, нужно было срубить бревно и доставить их до места рыбалки, а затем соорудить запруду. Основные же орудия труда, с помощью которых рубились лес и сооружались не только запруды, но и дома, строились лодки, выделывались крючки и вся утварь, были еще довольно примитивны, все они изготовлялись из камня. Крупные орудия—молоты, наковальни—представляли собою кусок камня вулканического происхождения, с грубым изображением на некоторых из них тотема владельца. Топоры изготовлялись из нефрита или камня, лезвие прикреплялось к деревянной рукояти с помощью веревок, свитых из лыка или сухожилий. Наиболее распространенные остроконечные орудия были или из кремня или из нефрита. Существовало два рода скребков, изготовлявшихся из кости: один для соскабливания внутренней коры канадской сосны и болиголова, второй—для обработки шкур.

Из металлов была известна индейцам до прихода белых только медь, но она не шла на изготовление орудий. Из нее изготовлялись ценные украшения и медные пластины, о которых речь будет идти дальше.

Ремесла. Несмотря на примитивность своих орудий, индейцы сооружали свои запруды с большим совершенством. Вообще они являются единственными

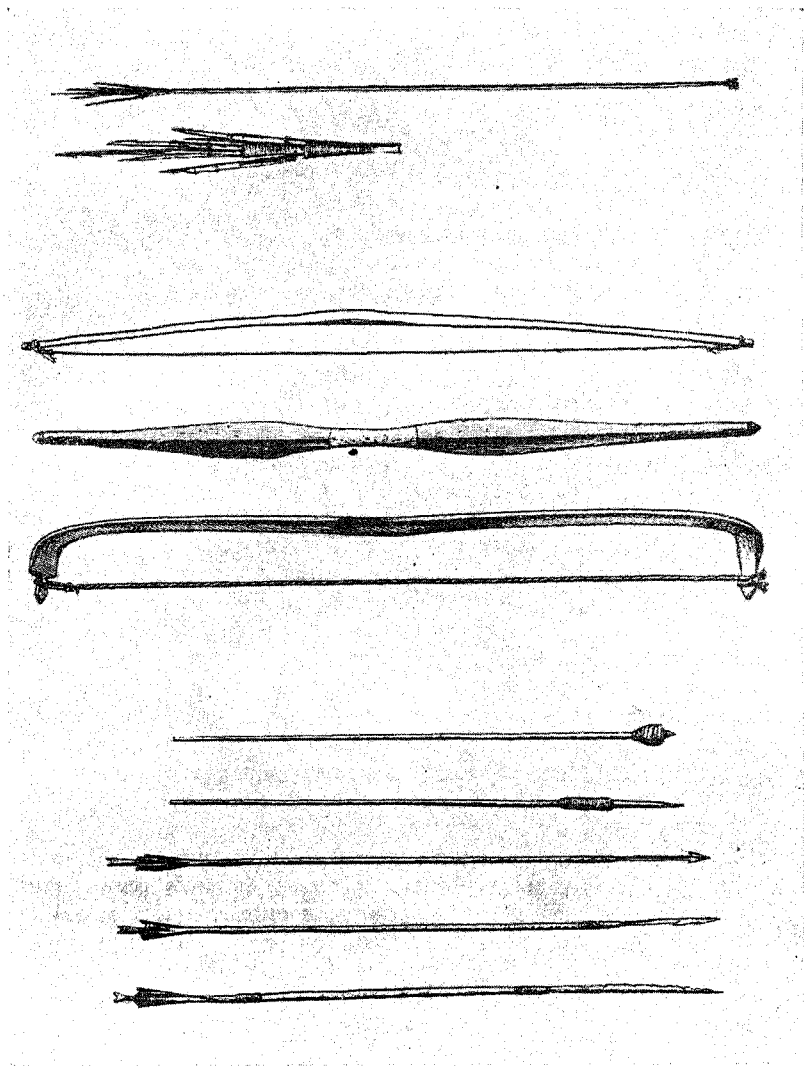

Рыболовный крючок.

Рыболовные крючки. Кваквюта.

представителями американского материка, которые высоко развили технику обработки дерева. Образцы их работ по своему совершенству можно сравнить лишь с полинезийской техникой работы по дереву. Из дерева изготовлялась вся домашняя утварь: блюда для пищи, ложки, водонепроницаемые ящики для варки пищи, сундуки для хранения продуктов и имущества. Из дерева же строились большие дома и выдалбливались лодки длиной от 8 до 40 и даже 80 футов. Все изделия покрывались художественной резьбой, обычно изображавшей предков и тотемных животных. Кроме этого, ставились специальные тотемные столбы у гробницы умерших вождей, или около домов, на которых резьбой изображалась вся легенда рода

Наверху — копьё для птиц; внизу — луки и стрелы.

владельца.¹ Часть вещей покрывалась не резьбой, а раскрашенной, однако орнамент сохранялся тот же. Орудиями для резьбы служили вогнутые остроконечные ножи из кремня, кости или нефрита. С приходом белых стали выделяться ножи той же формы из железа. Особым искусством в резьбе отличались северные племена: тлинкиты, хайда и цимшиан; у южных племен района оно было менее развито и не отличалось той чистотой форм, что на севере. Цимшиан отличались еще резьбой по кости и по графиту; прекрасные образцы этой работы можно видеть в Музее Института этнографии.

По всему побережью было известно ткачество без станка, наивысшего развития которое достигло у чилкат, одного из племен тлинкит и у маках мыса Фляттери. Накидки чилкат славились по всему побережью; ткались они из шерсти собак или горных коз на лыковой основе со сложным глазным орнаментом, были дороги и носились только вождями и богатыми. Специально ради шерсти на побережье разводилась особая порода собак с длинной белой шерстью.² Простые дешевые накидки плелись из лыка и были одеждой бедных людей и рабов. Из лыка же изготовлялись водонепроницаемые пелерины и шляпы, а также цыновки, на которых спали и сидели; несколько цыновок, свернутых с одного конца, составляли постель. На цыновках сидели и расстилали их при еде. Обычный мотив легенд состоит в том, что перед гостями расстилают новые лыковые цыновки и ставят на них пищу. Почти все племена побережья занимались плетением корзин, шляп и цыновок из лыка, корней и прутьев, и в этом отношении тлинкиты достигли самой высокой техники. Особенным изяществом работы отличались их изделия из травы. На ряду с ткаными из шерсти и плетеными из лыка накидками, до прихода белых жители носили накидки из дубленых кож и из мехов.

С появлением европейских товаров большинство ремесел пришло в упадок. Домотканые накидки и меха были заменены шерстяными одеялами красного и синего цветов; одеяла сменили не только национальную одежду, но они стали также единицами обмена вместо мехов и рабов.

¹ Модель такого столба имеется в Музее Института этнографии Академии Наук СССР.

² Давыдов, Двукратное путешествие в Америку, ч. II, стр. 120.

ГЛАВА IV

Имущественная дифференциация. К моменту прихода белых на северо-западное побережье среди индейцев, населявших его, уже существовала сильная имущественная дифференциация. Она была неразрывно связана с наличием наследственного рабства, которое бытовало на побережье, вероятно, с IX—X вв. до конца XIX столетия, и наличием торговли и частной собственности на движимое имущество (меха, лодки, рабы).

Имея в виду этот процесс дифференциации, американские исследователи писали о наличии классового деления общества на северо-западном побережье. Воас в отношении квакиютль сообщает, что род у них состоит из аристократии, простолюдинов и рабов.¹ То же он пишет и в отношении цимшиян, нутка,² селиш.³ В отношении тлинкит мы имеем свидетельство Krause: „внутри рода отдельные семьи занимают более высокое положение; они образуют своего рода дворянство, которое своими привилегиями было обязано менее происхождению, чем унаследованному богатству“.⁴ О племенах юга района данные приводит Gunther. „В группе свободных,—сообщает она,—различались два класса, но между ними не существовало большой разницы. Высший класс, к которому принадлежали вожди и их семьи, имел больше имущества и носил более почетные имена, чем средние люди“.⁵ На основе подобных свидетельств этнографов, непосредственно изучавших племена побережья, в американской науке утвердился взгляд, что на северо-западном побережье существовало классовое общество. Материал этого района, таким образом, как бы подтверждал теорию об изначальном естественном существовании классов, которые якобы существо-

¹ Voas, Social Organisation and Secret Societies of Kwakiutl Indians, p. 338.

² Voas, Report N.-W. Tribes, 1889, p. 830.

³ Voas, *ibid.*, 1890, p. 569.

⁴ Krause, Tlink. Ind., p. 122.

⁵ Haerberlin and Gunther, The Indians of Puget Sound, p. 57.

вали уже в роде. На самом же деле классового деления среди индейцев этого побережья еще не было. Их общественное устройство еще не достигло той ступени развития, которая связана с более высоким уровнем развития производительных сил. Здесь существовали лишь зародыши двух классов—рабов и рабовладельцев, и наметилось выделение почетных семей, на что указывает и Krause в приведенной нами выдержке, но говорить о дворянстве феодального типа еще рано.

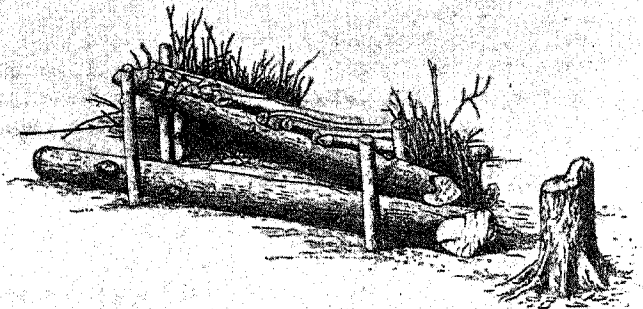
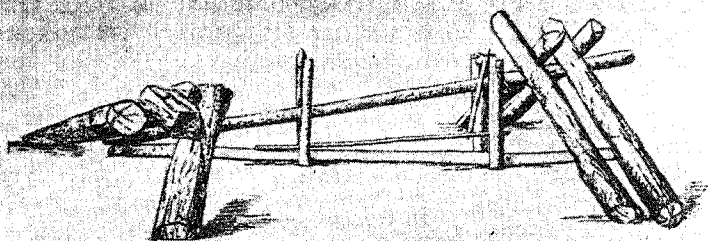
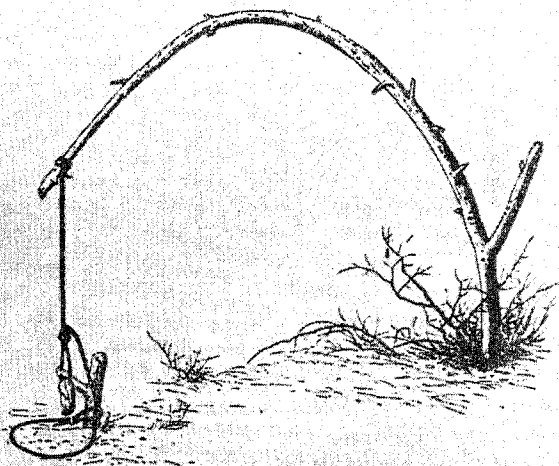
Только теперь некоторые молодые этнографы начали пересмотр этих выводов. Так, напр., Drücker посвятил специальную статью, опровергающую наличие классового деления среди свободного населения на северо-западном побережье. Он говорит, что здесь было только два класса: класс рабов и класс свободных.¹

Вожди. Вождем рода обычно являлся глава наиболее влиятельной семьи; он же был обычно и вождем поселка. „Глава хозяйства, которое превосходит богатством, численностью и влиянием все другие в селении, номинально является вождем селения.“² Влияние его ограничивалось советом, состоявшим из глав семей, а влияние индейца в совете определялось его богатством. В основном вождь рода или поселка нес исполнительные функции; в его обязанности входило объявлять войну, заключать мир, объявлять время смены зимних работ летними, время выезда на рыбалки. Перед чужестранцами он выступал в качестве представителя своего народа. Место вождя было наследственным в пределах одной семьи, оно переходило к его наследнику вместе с его именем и со всем его имуществом. У квакиютль Форты Руперт самым почетным именем вождя было Laqwagila (что значит: „делатель меди“). У цимшиян таким именем вождя всегда было Legi'eq. Оно переходило наследнику с местом вождя, которое наследовалось у северных племен следующим братом или племянником, а у квакиютль—сыном, иногда зятем, у южных племен наследовали сыновья.

Такая наследственность была одним из свидетельств разрушения устоев рода. При родовом строе место вождя было наследственным в том отношении, что оно замещалось внутри рода одним из родичей. Теперь же оно было наследственным в пределах семьи. Это новое явление, чуждое нормам родового строя, было результатом имущественного неравенства отдельных семей, оно, по указанию Энгельса, „усиливало семью в ее отношении к роду“ и положило начало выделению особых знатных семей. Это явление было отмечено исследователями района, но трактовалось неверно

¹ Drücker, Rank Wealth and Kinship, p. 54.

² Niblack, The Coast Indians of Southern Alaska, p. 258.

Ловушки на зверей.

в том отношении, что они характеризовали эти семьи как феодальное дворянство.

Родовая и частная собственность. В частном владении были рабы, меха, шкуры зверей, орудия и оружие. Наиболее полное перечисление объектов частной собственности дает Sproat в отношении племени нутка: „Частную собственность составляют, главным образом, рабы, одеяла, лодки, ружья, пики, кинжалы, орудия, цыновки, деревянные сосуды, рыболовные остроги, сети, шкуры выдр, украшения, жир и меха“.¹ Сюда же относятся и рыболовные запруды.

Эти данные будут справедливы и в отношении других племен побережья. В одной из легенд квакиютль перечисляются объекты богатства вождя; вождь был убит, — говорится в легенде, — и был лишен всего своего состояния, т. е. своих рабов, своих лодок, лососевых запруд, ящиков, покрышек для ящиков и женских украшений.² Запруды и копильные дома уже были в частном владении семей; все эти предметы были собственностью глав семей и обладание этим имуществом давало громадные экономические, а вместе с последними и политические преимущества отдельным семьям рода. Усиление отдельных семей разрушало устои рода. Вожди, избиравшиеся из наиболее храбрых и опытных родителей, теперь избирались преимущественно в пределах одной семьи, и решающую роль играл имущественный момент. „Кто имеет более родовичей, кто богаче и имеет более невольников, — сообщает Литке, — тот более и уважается“.³ Точно такое же свидетельство находим у Krause, посетившего побережье в 80-х годах XVIII в. „Право быть вождем, — сообщает он, — связано с обладанием многочисленными рабами“.⁴ Если избранный вождь случайно обеднел, то фактически управлял более сильный человек. Сила заключалась в богатстве. Состояние накапливалось не только в рабах, но и в шкурах, мехах, медных пластинах, позже в шерстяных одеялах фабричного производства, которые после прихода белых заменили все другие единицы обмена и приобрели значение денег. Своим рангом и богатством вождь поддерживал свою мощь и влияние на других. И слово „вождь“ стало синонимом „богатый“ в языках индейцев побережья.

Вожди внутри племен разделялись на две категории — вожди родов и главы домов, причем наиболее сильные из последних были фактическими вождями поселков.

Положение домашних вождей Adam⁵ совершенно спра

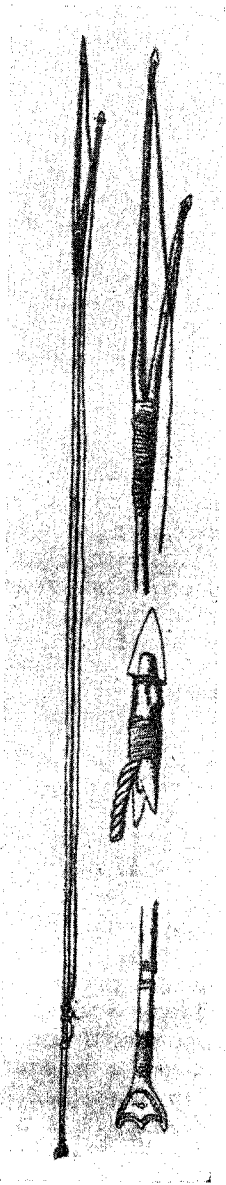
¹ Sproat, Scenes and Studies of Savage Life, p. 81.

² Boas, Kwak. Tales, p. 93.

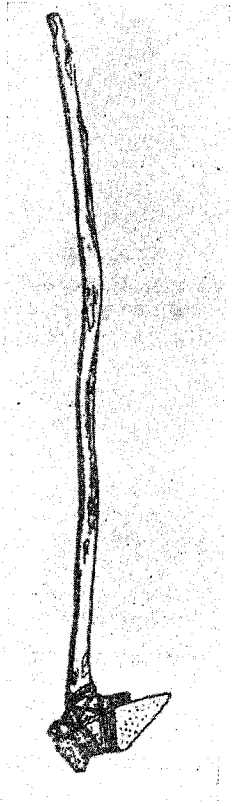
³ Литке, Путешествие вокруг света, 1834, стр. 150.

⁴ Krause, Tlink-Ind., p. 122.

⁵ Adam, Stammesorganisation und Hauptlingstum der Haida und Tsimsian, p. 224.

Гаргуны для ловли лососей.

Каменный топор с длинной рукоятью.

ведливо сравнивает с *pater familias* в Риме. Войны велись за счет вождя, его сыновья (у северных племен его племянники) составляли его дружину. Рабы и добыча принадлежали ему одному.

Частной собственности на угодья еще не существовало; рыбалки, охотничьи, ягодные и другие территории считались собственностью рода. „У всех племен,—сообщает Boas,—род владеет определенным участком и определенными рыболовными привилегиями. У тлинкит, хайда и цимшиян каждый род имеет свою рыбалку, свои горы и долины, на которых он имеет исключительное право охотиться и собирать ягоды. Он имеет свои реки и усадебные участки. Такое же распределение земель имеют квакиютль“.¹ То же самое сообщает далее автор и в отношении береговых селищ.² Вторжение на территорию рода чужеродца влекло за собою наказание его, вплоть до смерти. Один из характерных случаев приводит Hunt. „Охотник рода Матильпе, племени квакиютль, увидел двух горных коз в Дзаваде, где род Матильпе не имел своих охотничьих территорий. Он велел жене остаться в лодке, а сам пошел туда, где были козы. Вскоре его жена услышала ругань. Тогда она сообразила, что муж ее ушел охотиться на территорию рода Гигилькам, фратрии Авейтлела. Она не слышала ни одного выстрела, но и муж ее не возвращался. Позже они нашли его внизу, на скалах была только кровь его. Они никогда не узнали, кто это сделал“.³ Относительно рек Hunt сообщает, что род не разрешает членам другого рода ловить лосося в своих реках; нарушение этого правила наказывается смертью. „Каждый род владеет своими территориями для собирания разного рода ягод“.⁴

Но наличие имущественного неравенства между отдельными семьями положило конец коллективному ведению хозяйства и совместному и равному использованию родовых угодий. Усадебные участки были в процессе перехода в частную собственность. „Владелец дома,—сообщает Sproat,—который в течение нескольких поколений строился на одном и том же месте, считает землю своей и никому не даст срубить дерево вблизи своего жилья“.⁵ А промысловые угодья, рыбалки, охотничьи и ягодные территории находились в наследственном пользовании отдельных семей. У Niblack мы читаем: „Вся территория на северо-западном побережье, примыкающая к индейским поселкам, точно так же, как и охотничьи и рыболовные угодья, территории для собирания ягод, разделены между семьями и хозяйствами. Каждая река имеет

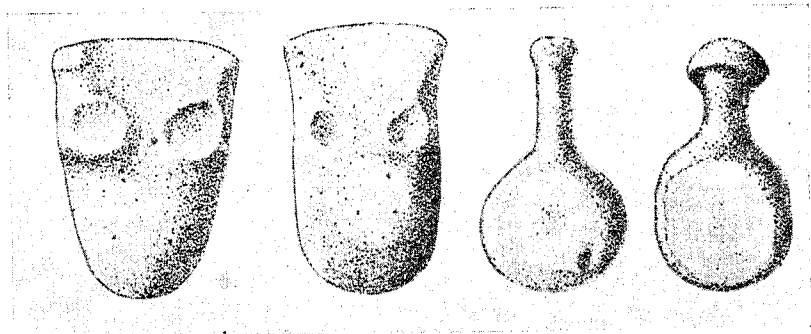
¹ Boas, Report N.-W. Tribes, 1889, p. 833.

² Ibid., p. 833.

³ Boas and Hunt, Ethnol. Kwak., p. 1346.

⁴ Ibid., p. 1347.

⁵ Sproat, Scenes and Studies, p. 80.

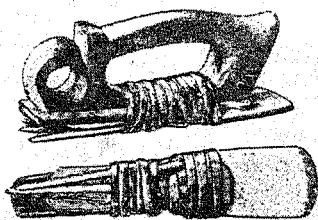
Каменные молоты. Племя Белла-кула.

своего владельца, летнее жилие которого можно видеть там, где лосось идет в наибольшем количестве".¹ Необходимо лишь оговорить автора, что угодья делились не непосредственно между семьями, а горные долины, реки, ягодные территории, побережья океана являлись собственностью рода и как таковые были разделены на семейные участки. „Хороший охотник небольшого племени претендует на землю вдоль одной стороны реки как на свою охотничью территорию. Глава сильной семьи претендует на определенный участок и не разрешает никому, кроме своих друзей, на нем охотиться“.² Это сообщение Sproat свидетельствует не только о стремлении к индивидуальному пользованию угодьями, но говорит также о том, что процесс раздела происходил не мирным путем, а путем захватническим. В результате этого процесса получилось неравномерное распределение участков.

Богатые семьи пользовались лучшими участками. Если род, напр., владел одной рекой, то вождь пользовался лучшей рыбалкой в устье реки; рыбалки других шли вверх по реке. Если у рода было несколько ручьев, то они распределялись по семьям. Беднякам обычно доставались верховья рек или отдельные притоки их, бедные рыбой. В фольклоре племен побережья част мотив голодовок бедных зимой, так как летом они недостаточно наловили рыбы. Во время голодовок богатые живут в теплых домах и едят, а бедные мрут от холода и голода. Бедные зябнут в одежде из лыка, а богатые имеют много всяких шкур. А с весенним ходом рыбы последняя к их рыбалкам приходит позже всего и благодаря этому они охотно идут работать к вождям. Вождь, обычно в момент наибольшего хода рыбы в низовьях рек, приглашает несколько таких семей помочь ему ловить лососей и за

¹ Niblack, Indians of South Alaska, p. 298.

² Sproat, Scenes and Studies, p. 80.

Тесла с каменными лезвиями.

удобном для наблюдения, расположен дом „владельца“ рыбалки.

Из среды рыбаков выделялся старший, который получал двухдневный улов в уплату, тогда как другие рыбаки получают значительно меньше. Нередко вождь, закончив свой лов, разрешает пользоваться рыбалкой другим менее счастливым сородичам. На местах рыбалок сооружались запруды и находились летние жилища пользующихся рыбалкой.

На основании изучения фольклора димшиян Воас констатирует, что „охотники имели охотничьи территории, которые были их личной собственностью. Один охотник владел четырьмя долинами и в каждой долине он имел свой охотничий шалаш. Охотники стремились иметь территории на разного рода животных“. ¹ О квакиютль сообщает Hunt: „все охотники владеют своими охотничьими территориями, а когда охотник увидит другого охотящегося на его территории, он идет туда, и они борются, и обычно один бывает убит“. ²

Однако, приводя эти факты Воас, Hunt, Niblack, McLeod, неизменно говорят о частной собственности на участки, а не о праве пользования таковыми, т. е. приводят якобы свидетельства о наличии частной собственности на угодья. McLeod, сравнительно недавно исследовавший этот вопрос, также пишет о частной собственности у племен данного района. Это явление, общее всем американским исследователям, совершенно не случайно; оно находится в тесной связи с концепцией буржуазной науки об извечном существовании частной собственности. Напр. Воас, говорящий о родовой собственности всюду, при эмпирическом описании племен данного района, при малейшей попытке к обобщению приходит к утверждению наличия частной собственности. До тех пор, пока здесь не существует права отдельного лица свободно отчуж-

¹ Воас, Tsim. Mythol., p. 401.

² Воас and Hunt, Ethnol. Kwak., p. 1345.

дать участки, которыми он пользуется, не может быть и речи о частной собственности. Угодьями владел род, но они находились в наследственном пользовании отдельных семей.

Здесь мы имеем прекрасную иллюстрацию положения К. Маркса о том, что до появления отношений господства и подчинения „существуют семьи, роды, которые еще только владеют, но не имеют собственности“.¹ У северных племен наследовал обычно племянник, к которому переходили права его дяди на пользование охотничьими территориями и рыбалками, его дом, лодки, рабы, его имена и пляски. В случае отсутствия племянника все это переходило его матери или тетке.

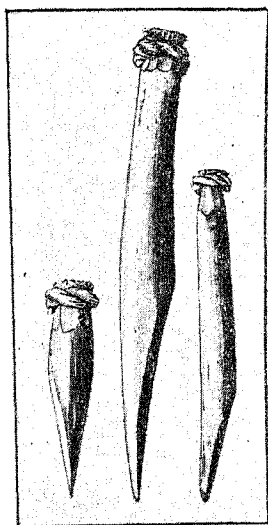
Но были часты отклонения от этого правила. В легендах цимшиян встречаем описание случаев передачи права на территории сыну.²

Характерный случай приводится в легенде хайда об индейце, который пользовался одним ручьем и передал его своему сыну, и за это его сестра стала бросать в ручей грязь.³ Действия сестры объясняются тем, что согласно правилам наследования ее племени ее брат должен был передать свой ручей не сыну своему, а сыну сестры, своему племяннику. Этот случай в легенде характеризует дальнейший процесс нарушения материнских прав в связи с укреплением частной собственности.

Право отчуждать, передавать эти участки отдельным лицам еще не существовало и мы не встречаем никакого упоминания об этом ни в легендах, ни в сообщениях исследователей.

Несмотря на то, что угодья использовались индивидуально, юридически они оставались во владении рода и попечение о них являлось обязанностью вождя. Он выступал в качестве представителя рода в вопросах защиты прав рода на определенные участки.

Однако, благодаря своей экономической мощи, вожди здесь уже не были простыми распорядителями родового имущества, а в известной мере это были претенденты на родовые угодья. Это было подмечено Воас в 1889 г., который указывал, что вся собственность рода принадлежит вождю,

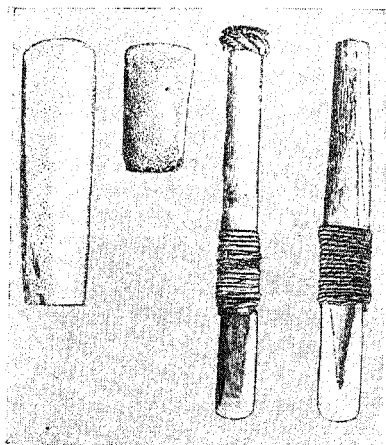

Клинья, употребляемые при раскалывании бревна на доски.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XII, ч. I, стр. 192.

² Voas, Tsim. Mythol., p. 401.

³ Swanton, Haida Texts, p. 74.

Долота с костяными лезвиями.

который рассматривает лососевые запруды, ягодные территории, побережья, на которые единственное право имеет род, как свою собственность.¹ Таковы же сведения Sproat относительно нутка.²

Принимая во внимание тот факт, что в общениях с белыми и другими чужестранцами чаще всего выступают родовые или племенные вожди, можно предполагать, что исследователи района своими информаторами чаще всего имели именно эту категорию лиц. И восприняв не критически, вне социального анализа, их сведения, у них создалось представление о том,

что родовые угодья принадлежат вождям.

Вожди, основываясь на своем могуществе и силе, сами пытались присвоить разного рода права на собственность, которые у них оспаривались другими семьями. Этой тенденцией можно объяснить целый ряд легенд племен побережья, где говорится о собственности вождей на угодья. В одной из легенд квакиютль вождь говорит напавшему на него врагу: „эта река моя, пойдет тебе, а также и мое имя и мои 10 рабов“.³ В одной из легенд тлинкит говорится, что чудовище морских глубин владело заливом, оно никого не подпускало к своим владениям, смельчаки, рискнувшие переехать залив, неизменно тонули в нем. Все, кого оно губило, становились его рабами и превращались в медведей и с вершин высоких гор, окружавших залив, стерегли владения своего господина.⁴

Хотя родовые угодья не были еще собственностью вождей, но пользование ими обязывало членов родов отдавать часть своего промысла вождю, как распорядителю этих угодий.

Охотник, убивший трех медведей, одного должен был отдать вождю; убивший трех бобров—также должен был отдавать одного. Когда охотник убивает много тюленей, одного он берет себе, а остальных отдает вождю—говорится в одной легенде. Из десяти убитых горных коз пять должны быть отданы вождю. Женщины из пяти кусков ягодных колобов—один должны отдать жене вождя. Когда женщина копает

¹ Boas, Report. N.-W. Tribes, 1889, p. 832.

² Sproat, Scenes and Studies, p. 80.

³ Boas, Kwak. Texts, p. 215.

⁴ Swanton, Tlingit Myths, p. 295.

корни, то длинные идут вождю, а короткие — ей. В легендах квакиютль приводится об этом следующий рассказ: „Предки Коскимо жили на зимнем месте, у них был вождь, по имени Центр. Племя действительно относилось к нему как к вождю, потому что как только племя ловило палтусов и каждый рыболов, вылавливая двух палтусов, одного отдавал вождю; когда гарпунщики отправлялись охотиться на выдр, две выдры из четырех отдавались вождю. Все делилось пополам между племенем и вождем...“¹

Интересно далее описание случая отказа от дачи половины вождю. „Однажды все поехали ловить палтусов и вечером вернулись. Тогда один человек не дал вождю ни одной рыбы. Это вождя крайне рассердило. Утром он взял свой каменный топор, пошел на берег в северный конец деревни и разбил прекрасные челноки предков Коскимо. Он был убит своим зятем и стал вождем в подземном поселке мертвых“.²

В одной из легенд цимшиян читаем: „В те времена люди каждого племени имели обычай ловить лосося один-два дня для вождя. Женщины же несколько дней собирали ягоды для жены вождя.“³ Все эти приношения и отработки можно рассматривать только как известную дань за пользование родовыми угодиями.

¹ Boas, Kwakiutl Tales, p. 309.

² Boas, Kwak. Tales, p. 311.

³ Boas, Tsim. Mythol., p. 278.

ГЛАВА V

Торговля. В руках вождей и богатых собирались большие запасы продуктов, значительно превышавшие собственные потребности их владельцев. Но в то же время, „хотя обладание продуктами питания и было необходимо для поднятия авторитета семьи, однако сами продукты богатством не считались“.¹ Это представление можно объяснить лишь как пережиток тех времен, когда хозяйство велось на общинных началах и пища была коллективной. Поэтому понятие частной собственности не могло совмещаться с представлением об общности продуктов питания.

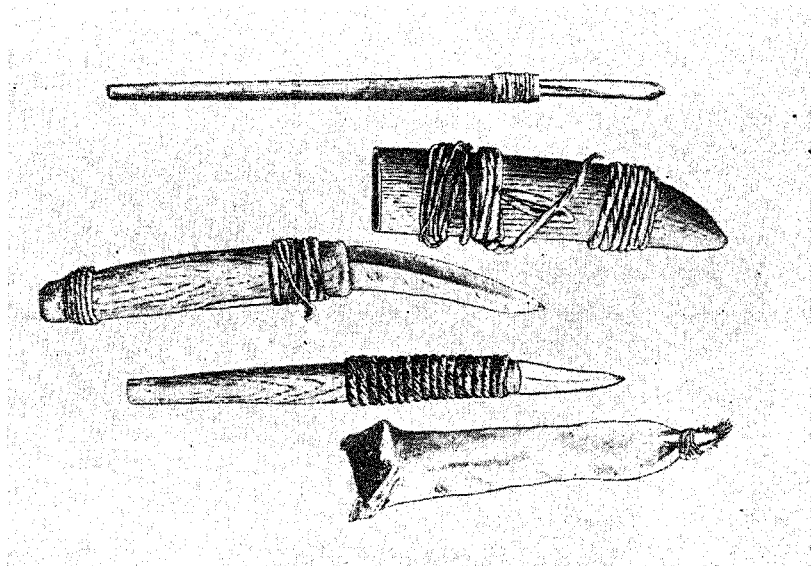
Состояние (богатство) приобреталось через обмен продуктов питания на другие предметы, которые накапливались и раздавались на потлачах. В качестве единиц накопления наиболее часто упоминаются шкуры выдры. Воас дает следующий список объектов, на которые обменивались продукты питания и которые составляли богатство. Это были шкуры лося, накидки из куниц, из выдр, лодки, рабы, медные доски, ложки из рога лося, енотовые шкуры, перламутровые раковины, связки раковинных бус, так наз. вампум, танцевальные накидки и др.²

Весь излишний продукт мог быть реализован в торговле с племенами побережья и примыкающей части материка; по данным авторов, изучавших этот район, племена побережья вели оживленную торговлю между собою и с материковыми индейцами. Напр., Воас пишет: „Система торговли и обмена была высоко развита среди индейцев северо-западного побережья. Береговые индейцы всегда были большими торговцами“.³ Предпосылкой для развития здесь торговли явилось то, что благодаря природным условиям наметилось известное разделение труда, в первую очередь между материком и побережьем: напр. продукты моря—рыба, ры-

¹ Воас, Tsim. Mythol., p. 435.

² Ibid., pp. 435—436.

³ Воас, Report N.-W. Tribes, 1889, p. 832.

Ножи для резьбы по дереву.

бий жир, раковины—обменивались на продукты материка: пеммикан, мясо, шкуры. Относительно чинук Strong пишет: „Каждую осень они нагружали свои лодки вяленным лососем, осетром... встречались с индейцами гор и прерий и меняли свою рыбу... на рабов, шкуры и мясо бизона“.¹ Но и на самом побережье продукты различных частей страны и различных племен настолько вариировали, что существовала оживленная торговля вдоль самого побережья. Здесь мы имеем конкретную форму возникновения обмена между отдельными племенами и общинами, о которой говорил Маркс: „В действительности процесс обмена товаров появляется первоначально не внутри естественно выросших общин, но там, где они кончаются, на их границах, в тех немногих пунктах, где они вступают в соприкосновение с другими общинами. Здесь начинается меновая торговля и отсюда она проникает во внутреннюю жизнь общины, на которую она действует разлагающим образом“.² Маркс видел причины возникновения такого обмена в том, что „Различные общины находят различные средства производства и различные жизненные средства среди окружающей их природы. Они различаются поэтому между собой по способу производства, образу жизни и

¹ Strong, Wah-kee-nah, p. 126.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XII, ч. I, стр. 37.

производимым продуктам. Это — те естественно выросшие различия, которые при соприкосновении общин вызывают взаимный обмен продуктами...¹

Племя цимшиян в обмен на лодки продавало племени хайда жир, резные ложки из рога горной козы, чилкат продавали свои красивые шерстяные накидки. Раковины (денталия, abelone), медь и рабы занимали также важное место в межплеменной обменной торговле. Вяленая лососина, палтус и другие виды пищи также продавались в обмен на меха и другие ценности.²

На юге района был в большом ходу рыбный порошок и изделия из сыромятной кожи материковых индейцев. Продукты, предназначенные для торговли, подвергались специальной упаковке и стандартизации. Spier и Sapir сообщают, что в 1805 г. Lewis и Clark наблюдали индейцев, занятых сушением рыбы и приготовлением ее для рынка. Хорошо высушенную рыбу размалывали в порошок между двумя камнями, который затем упаковывался в специально изготовленные из тростника и травы корзины. Корзину, обычно облицованную растянутой и высушенной кожей рыбы, до отказа наполняли порошком и покрывали такой же кожей, закрепляемой с помощью бечевки, продаваемых в отверстия корзины. Каждая корзина содержала от 90 до 100 фунтов порошка. 12 таких корзин обычно плотно упаковывались в цыновки и составляли стандартную меру, носившую специальное название. В одном селении Clark насчитал до 107 таких мер, составляющих, в общей сумме, около 10 000 фунтов этого продукта.³ Сухая черника, орехи и жолуди также упаковывались в пакеты стандартной величины и тоже носили специальные торговые названия.⁴ Эта стандартизация была, несомненно, результатом активной торговли, процветавшей на побережье.

Развитие ремесел также шло по пути дифференциации. Глинкиты отличались тканьем шерстяных накидок, хайда и хейлтсук выдалбливали хорошие челны и отличались искусной резьбой по дереву. Согласно одной из легенд цимшиян существовала определенная дифференциация между племенами самих цимшиян. Племя гитлан изготовляло деревянные резные блюда, гиспахлатс — резные деревянные ложки; гинахангик — деревянные лари, покрытые резьбой; гидвулгадз — глубокие резные чаши; гидзис — резные роговые ложки; гитгада — ткали накидки из лыка; гидзетлатль — изготовляли лодки.⁵ „Хайда охотились на китов, потому что ворвань, жир и кость

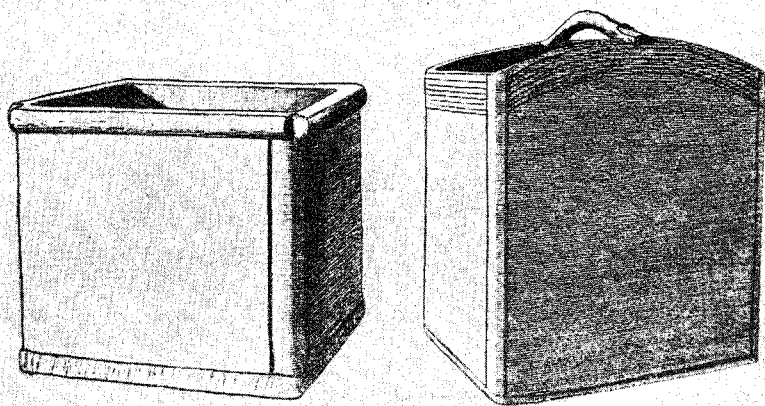
¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVII, стр. 388.

² Boas, Tsim. Mythol., p. 57.

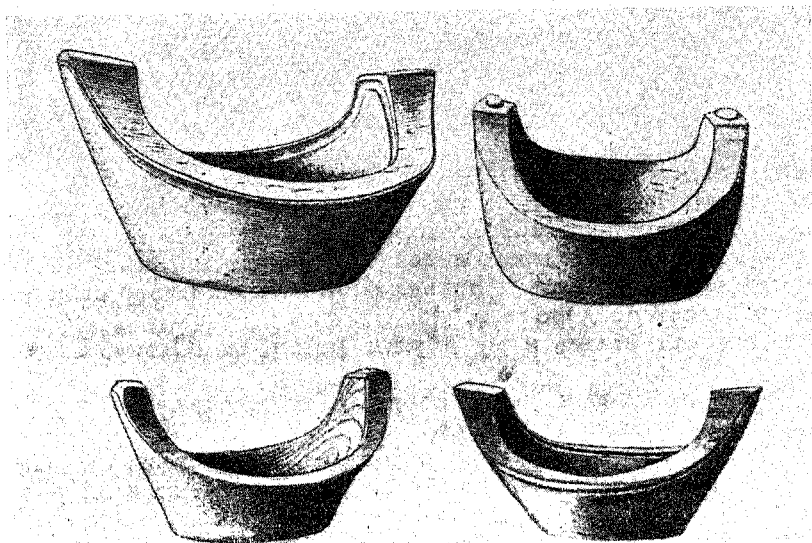
³ Spier and Sapir, Wishram Ethnology, p. 179.

⁴ Ibid., p. 185.

⁵ Boas, Tsim. Mythol., pp. 274—275.

Водонепроницаемые ящики для варки пищи. Квакиютль.

Деревянные блюда для жира. Квакиютль.

были пригодны в торговле с северными соседями и давали возможность приобрести рабов и шкуры".¹

Племена юга поставляли преимущественно рабов. Niblack отмечает, что цимшиян вели посредническую торговлю рабами.²

Остров Ванкувер пересекался несколькими торговыми путями. Один шел от залива Альберни на восточный берег, другой от озера Нимкиш—на западное побережье острова, к заливам Нутка и Киукот, третий—из Форта Руперт на восточном берегу острова к заливу Кватцино на западном берегу. Существовало два важнейших пути, по которым шла торговля между племенами побережья и материковыми индейцами. Один путь шел по р. Колумбии и соединял побережье с шошонскими племенами материка и через последних с индейцами сиу и алгонкин. Второй путь шел по р. Белла-Кула до р. Лососевой, затем по северному берегу Черноводной реки до верховьев р. Фрезера. Этим путем индейцы побережья вели торговлю с атабасками и последние его называли „жировым путем“, потому что по нему в первую очередь шел рыбий жир внутрь страны. „А когда побережье стали посещать торговые суда, то кроме продуктов моря в глубь страны этим же путем стали проникать железо и другие промышленные товары, а оттуда шли меха для продажи на суда“.³ Племя белла-кула, жившее на этой реке, держало путь в своих руках и вело посредническую торговлю сначала между материковыми индейцами и индейцами побережья, а позже между материковыми индейцами и приходившими на побережье торговыми судами.

Такое посредничество наносило немалый урон европейско-американским судам и торговым компаниям. Во избежание этого агент русско-американской компании Берх советует: „Компании надо иметь непременно три или четыре немалые крепости, верстах в 100 от моря, дабы, во-первых, прекратить монополию ближних индейцев, кои не допускают дальних в наши заселения и принуждают их покупать у себя все вещи вдесятеро дороже...“⁴

Торговля велась и по другим рекам, по Юкону, Скина, Насс и т. д.

Однако большая часть торговли и передвижений совершалась на лодках по морю.

Кроме этого, на юге, в Даллес, существовало регулярное место обмена. Племя вишрам, жившее на этой реке, вело большую посредническую торговлю. Северные племена

¹ Strong, Wah-kee-nah, p. 111.

² Niblack, Indians South Alaska, p. 252.

³ Wilson, Report N.-W. Tribes, 1891, p. 407.

⁴ Берх, Херн и Мьякензи, Путешествие по Северной Америке, стр. IX.

побережья редко сюда попадали, но имели связь с этим „рынком“ через племя чинук, которое занималось посреднической торговлей довольно широкого размаха. Южные же племена этого района — селиш, нутка — имели непосредственную связь с Даллес. „Колумбия и венатчи, — сообщает Teit — были главными торговцами из племен селиш. Ежегодно они ездили в Даллес, где торговали с племенами вишрам, васко и другими.¹ Это был крупнейший рынок торговли рабами.

Единицами обмена служили шкуры зверей (особенно ценлись шкуры бобра и выдры, раковины, лодки и рабы). Сшитые вместе шкуры сурка были менее

ценными единицами. С приходом белых это все было заменено фабричными шерстяными одеялами стоимостью в 50 центов каждое.

На побережье выработался специальный торговый язык, получивший название чинук, по имени племени, жившего южнее р. Колумбии и занимавшегося оживленной торговлей с племенами побережья. Первоначально в него входили слова различных племен побережья, позже вошли французские, английские, русские и испанские слова.

Главными торговцами племени несомненно были вожди, потому что в их руках скапливался в больших размерах тот избыточный продукт, который шел на рынок. Благодаря возможности реализовать продукт, вожди накапливали большие

Обработка кедровой коры у квакиютль; на заднем плане льковое одеяло в процессе плетения. Форт Руперт, 1930 г. (Фото автора.)

¹ Teit, The Middle Columbia Salish, p. 121.

состояния в виде шкур, лодок, позднее в виде шерстяных одеял. О размерах этого состояния можно судить по данным о потлачах, где указывается какое количество одеял роздал тот или иной вождь.

Потлач. Индейцами этого побережья практиковался своеобразный институт потлачей. Он состоял в том, что вождь собирал празднество и во время его раздавал своим родичам или членам племени накопленное им богатство. Свое положение вождь завоевывал через потлачи: чем больше он раздавал, тем выше становился его ранг, тем больше было его влияние. В этой раздаче каждый старался превзойти соперника. Характерно то, что полученный на таком потлаче подарок должен был позже, на потлаче же, быть возвращен. После прихода белых состояния накапливались в шерстяных одеялах. Случалось так, что кто-либо из вождей раздавал до 1000 одеял, но ожидал впоследствии получить вдвое больше.

Чтобы раздать такое большое количество одеял, вождь нередко обращался за помощью к своим родичам. Один из таких случаев описывает Hunt. „Вождь клана хочет дать потлач племени. Он приглашает своих родичей и обращается к ним за помощью, говоря, что он имеет только 500 одеял, но этого недостаточно для соревнования с другими вождями. Вождь следующий по рангу встает и говорит, что они должны помочь, так как это делает славным весь род. Все выходят из дома вождя. Люди спрашивают человека, близкого вождю, сколько он намеревается дать. Он восклицает: „мне надоел наш вождь, потому что он слишком часто просит для своих потлачей. Я ему 100 одеял дам, а вы дайте ему 50—40—10, а те кто беднее, пусть дадут по пяти одеял. Никто из членов рода не ожидает возврата вождем того, что он взял у них для потлача“.¹

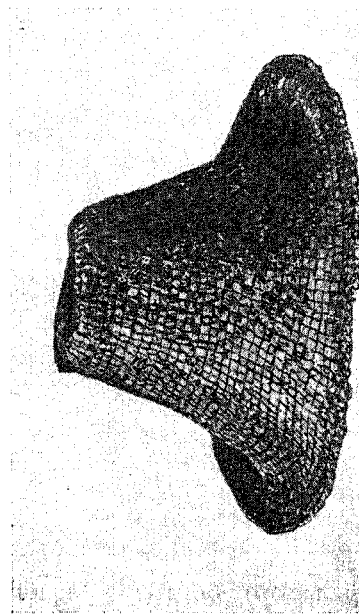
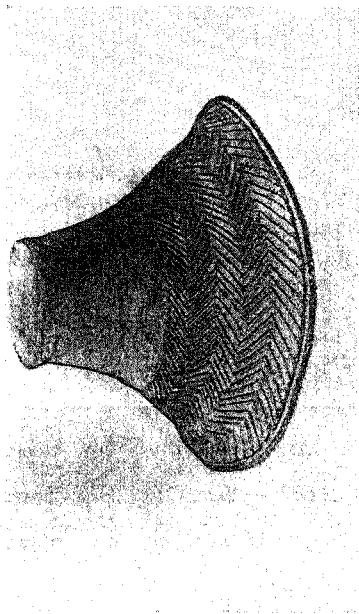
По другим данным, люди более состоятельные дают по 3—4 накидки из шкур морской выдры, 4 рабов и 4 челнока, тогда как простой народ дает 100 накидок, вытканых из лыка. Здесь ясно выявлен социальный принцип, который еще ярче выступает при раздаче во время самого потлача. В этом же сообщении говорится, что вождям (другого племени) были розданы 40 накидок морской выдры, 4 больших челна и 4 бобра, простой же народ другого племени получил 100 накидок из лыка. При описании других потлачей упоминается, что к лыковым накидкам прибавляются накидки из шкур норки и диких коз, так же мало ценные, как и лыковые одеяла.

Утверждение Hunt, что будто бы никто не ожидает возврата взятого вождем, повидимому не совсем верно. Voas

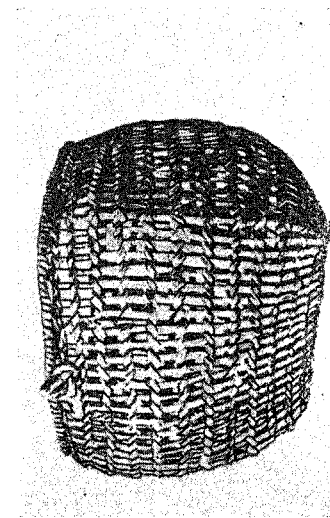
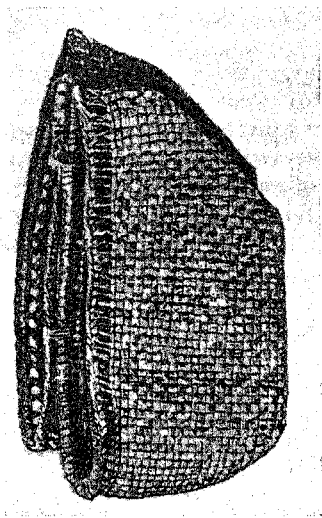
¹ Voas and Hunt, Ethnol. Kwak, pp. 1341—1343.

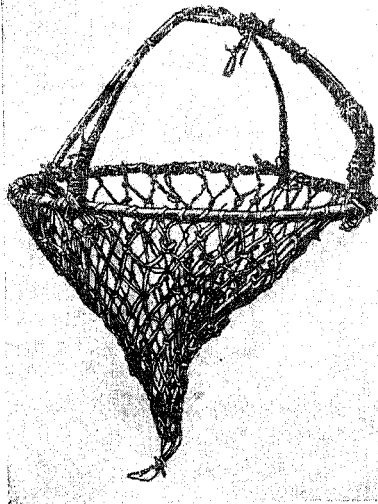
Индианка, плетущая корзину из кедровой коры.

Шляпы, плетеные из кедровой коры. Квакиюгла.

Корзинки для собирания корней и раковин. Квакиюгла.

Сачок для ловли крабов.

в 1889 г. писал, что взятое у родичей для потлача возвращается в двойном размере.¹

Потлач по форме своей, конечно, является пережитком первобытно-общинных отношений, когда каждый член делился с коллективом продуктами своего труда. На это указывает и то, что составной частью потлача является обильное угощение родичей. Но содержание этой формы совершенно изменилось с появлением зачатков социального расслоения общества. Ф. Воас видит основной принцип потлача во вложении капитала в рост.² В данном случае мы не можем согласиться с ним в квалификации натурального богатства капиталом, в перенесении катего-

рий капиталистического общества на общество индейцев.

Но также нельзя согласиться с объяснением потлачей С. А. Штернберг, которая в своих очерках пишет: „В основе этого института лежит анимистическое воззрение... примитивного человека, что даруемый объект не только имеет душу подобно всем предметам, но сверх того хранит в себе частицу духовной сущности, магической силы его обладателя, частицу его манитоу, мана и таким образом, передавая другим свой объект, даритель передает частицу своего „я“ и тем приобретает над одаренным известную религиозную и магическую власть... отдарок же парализует эту власть“.³ Это объяснение С. А. Штернберг затрагивает лишь религиозную сторону института и тем самым, в сущности, совпадает с концепцией Mauss.⁴ Ни та ни другая точка зрения ни в какой мере, конечно, не объясняют институт. Воас слишком

¹ Воас, Report N.-W. Tribes, 1889, p. 835. — Воас, Soc. org. Secr. Soc. Kwak. Ind., p. 343.

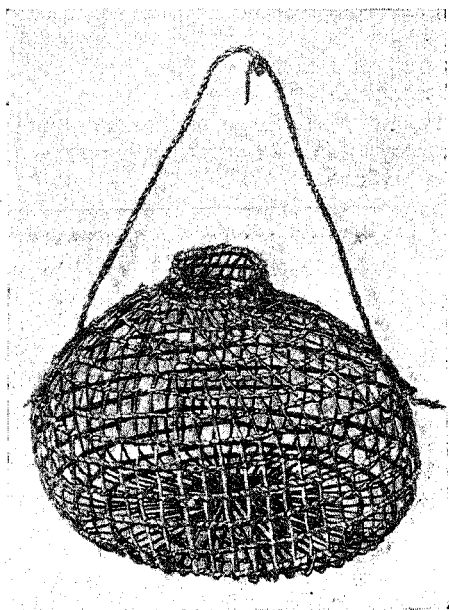
² Воас, Report N.-W. Tribes, 1898, p. 682. — Воас, Soc. org. Secr. Soc. Kwak. Ind., p. 341.

³ Ратнер-Штернберг, Музейные материалы по глинкам, стр. 271.

⁴ Mauss — французский ученый, занимавшийся специальным исследованием потлача, анализ которого он дал в работе „Essai sur le don, forme et raison de l'échange dans les Sociétés archaïques“, L'Anne Sociologique, t. I, 1923—1924.

модернизирует потлач, рассматривая его в его наиболее развитой форме, в какой он существовал у квакиютль, у которых, как правило, подарок возвращался в двойном размере. Подарки раздавались обычно соответственно состоянию присутствующих. Еще в 1930 г. мне пришлось видеть, как вождь вместе с женой раскладывали на камешках кому сколько дать, и все это записывалось в особую тетрадь.

Во время моего пребывания на о-ве Ванкувер у племени квакиютль, в 1930—1931 гг., мне приходилось наблюдать потлачи. Это было далеко уже не то, что описано выше. Потлачи были запрещены канадским правительством и „королем Георгом“, как говорят индейцы, а потому происходили втайне, в деревушках наиболее отдаленных от правительственного агента. Как уже отмечалось, раздавались на потлачах, главным образом, шкуры, позже фабричные шерстяные одеяла, которых накапливалось до тысячи и более. Но часто вместо одеял вождь „продавал“ медную пластинку, которая являлась представителем одеял. Это были своеобразной формы пластины (рис., стр. 65), сделанные из местной меди с изображением тотема на лицевой стороне, и являвшиеся „заместителями“, своего рода „банкнотами“, натурального богатства. Каждая пластина имела свое имя, связанное с изображенным на ней тотемом и никогда не менявшееся. Количество пластин было ограниченное и все они были на учете благодаря их именам. Употреблялись они только на потлачах. Иметь медные пластинки могли только очень богатые индейцы, так как стоимость их была высока, некоторые из них стоили от 4 до 6 рабов. После прихода белых они стали оцениваться в одеялах. Ценность каждой пластины возрастала вместе с увеличением числа проделанных ею оборотов. Так, если один вождь купил ее за 500 одеял у другого, то третьему он продавал ее за 800—1000 одеял. Таким образом ценность отдельных пластин доходила до 1200—2000 одеял. Ко времени моего приезда на побережье все пластины индейцев были конфискованы

Рыбная корзина.

правительством и отвезены в Оттаву, где я их видела позже валявшимися в складе Оттавского музея. Индейцы были в большом возмущении. Была послана делегация, но она до Оттавы не доехала, так как была возвращена обратно уже из г. Онтарио. Продажи одеял в больших количествах также уже не было. Да и сами индейцы, лишившись охотничьих и рыболовных угодий, настолько обеднели, что могли покупать шерстяные одеяла только для постели. Таким образом были подорваны основы потлачей. В 1930—1931 гг. потлачи были очень малочисленны—присутствовало человек 20—30 самое большее и раздавалось на них имущества долларов на 20—50, в редких случаях на 100. Некоторые раздавали деньги. „Подарки“ были разные: по 1 доллару, по 20, 30, 50 центов, в зависимости от состояния одариваемого. Раздавали ситец, сатин, мотки шерсти, тазы, чашки, особенно была в ходу стеклянная посуда. Перед потлачом в кладовой семьи можно было видеть горы такой посуды, часть которой была получена на других потлачах, в хозяйстве она не употреблялась, а откладывалась и накапливалась для своего потлача. Одна женщина уже второй год плела корзины, их у нее было уже до 20, и все они предназначались для раздачи на потлаче. Другая вязала шерстяные шарфы; муж ее был „большим вождем“ (конечно номинально), и они должны были устроить большой потлач.¹

Но на потлачи теперь не смотрели как на что-то совершенно необходимое. Старая социальная система уже настолько пришла в упадок, что этот институт существует лишь как пережиток и не имеет того социального значения, какое имел раньше.

На вопросе о потлачах мы остановились так подробно потому, что они имеют большое значение в изучении вопроса о рабстве.

¹ Богатый материал по современному потлачу дает в своей книге Halliday, „Potlatch and Totem“.

ГЛАВА VI

Условия возникновения рабства. Обилие рыбы в водах побережья и известное усовершенствование методов ловли, на которых мы выше останавливались, создавали условия, при которых труд человека мог производить больше, чем было необходимо для непосредственного потребления. Наличие довольно развитого обмена и потлачей, свидетельствующих о неравенстве в распределении, создавали стимул для увеличения количества производимого продукта. Это способствовало расширению разделения труда и втягиванию в хозяйство добавочных рабочих рук, т. е. использованию рабов. Только благодаря этим условиям могло появиться рабство у индейцев северо-западного побережья. Об этих условиях пишет Ф. Энгельс: „Не всякий может воспользоваться трудом раба. Чтобы извлекать из него пользу, необходимо заранее приготовить, во-первых, материалы и орудия труда, во-вторых, средства для скудного пропитания раба. Прежде чем рабство делается возможным, необходимы, следовательно, известная ступень производства и некоторое неравенство в распределении“.¹ О том, что труд рабов был полезен в экономике северо-западного побережья и приносил известный доход, свидетельствуют буржуазные этнографы. Так, McLeod на основе изучения материала северо-западного побережья пишет: „Вполне очевидно, что рабы американских аборигенов производили достаточно для своего содержания, и, кроме того, избыток. Цена, уплачиваемая за них, уже указывает на высоту этого прибавочного продукта“.² „Раб рассматривался полезным и почетным владением“, — сообщает о нутка Sproat.³

Хозяйственное значение рабов. Труд рабов широко использовался, на ряду с трудом родичей. Лица, пользовавшиеся несколькими рыбными запрудами, нуждались

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 163.

² McLeod, Slavery in North America, p. 142.

³ Sproat. Scenes and Studies, p. 90.

в большом количестве рабочих рук для сооружения и использования их. Выше мы видели, что вожди часто не ограничивались использованием рабочих рук рабов и своей семьи, но часто приглашали и другие семьи для рыбной ловли. Все же в основном разделение труда здесь было развито слабо и ограничивалось лишь увеличением семьи, расширением ее рабочих рук путем включения в ее состав рабов. Рабы работали на ряду со свободными. Однако очень немногие авторы останавливаются на вопросе хозяйственного использования рабов. Из авторов, непосредственно соприкасавшихся с индейцами данного района, суждения дают только Jewitt и Sproat относительно племени нутка и Swan об индейцах мыса Фляттери.

Следующее характерное свидетельство мы имеем о глинках: „Война доставляла индианам иной раз не малую добычу и, главным образом, в виде рабов. Рабовладельчество было развито сильно между индианами. Сам индianин считал для себя унижительным заниматься черной работой вокруг своей бараборы (дома.—Ю. А.): это было обязанностью рабов, или по крайней мере женщин“.¹ Романов в отношении этого же племени пишет: „случается, что пленников изнуряют тяжкими работами“.² Jewitt сообщает, что рабы у нутка временами принуждались к тяжелому труду: они выполняли не только работу слуг—заготовка воды, дров и пр.,—но были обязаны делать лодки, помогать в постройке и починке домов, снабжать своих господ рыбой, сопровождать их на войну и воевать за них. Женщины заняты, главным образом, изготовлением одежды, варкой пищи, собиранием ягод и пр.³ Это сообщение несколько дополняет Sproat, который указывает на использование рабов для очистки рыбы и при собирании ягод. „В обязанности рабов,—пишет он,—входило чистить лососей, собирание ягод, ношение воды и дров и выполнение всех приказаний“.⁴ Эти моменты весьма существенны, ибо чистка рыбы при тех больших количествах, в которых она вылавливалась, являлась важным делом, точно так же и использование рабов в собирательском хозяйстве было весьма существенно, ибо продукты его были не только важной частью в пище самих производителей и их господ, но шли также на рынок. Характерно, что ни тот, ни другой автор не говорят об использовании рабов на охоте, тогда как у северных племен рабы охотятся. У нутка же, вероятнее всего, рабы не охотились, ибо единственный вид охоты, охота на китов и других морских животных, был привилегией свободных. Несколько сомнительным является утвержде-

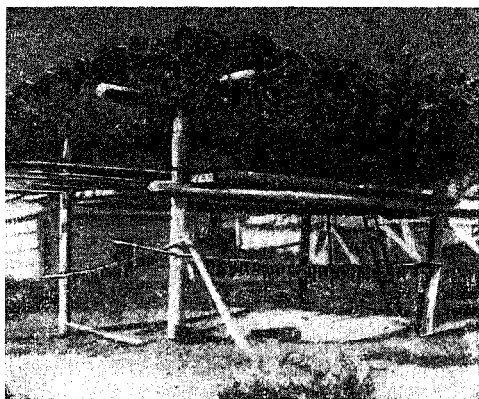
¹ Архим. Анатолий, В стране шаманов, стр. 8.

² Романов, О колюжах и колошах вообще, стр. 7.

³ Jewitt, Narrative, p. 73.

⁴ Sproat, Scenes and Studies, p. 90.

ние Jewitt, что рабы воевали за своих господ. Только в одной легенде хайда мы встречаем описание ожесточенной борьбы раба с противниками его господина, вплоть до потери зрения.¹ Вообще в легендах указаний по этому вопросу нет никаких. Гольденвайзер пишет, что у хайда и тлинкит рабы брались на войну. Трудно представить, чтобы рабы, взятые из соседних племен, могли принимать участие в

Вяление лососей; на заднем плане дом для копчения рыбы.

войнах между племенами побережья. Sproat сообщает, что ему очевидцы рассказывали о Jewitt, который, будучи рабом вождя одного из племен нутка, всегда сопровождал своего господина на поле битвы, служа его оруженосцем. Возможно, что Jewitt писал на основе своего собственного опыта, но здесь необходимо учесть, что он был европейцем и следовательно брать его в походы на соседние индейские племена было менее опасно, чем рабов, захваченных из среды этих племен.

Приведем еще свидетельство Swan об индейцах мыса Фляттери, поскольку оно дополняет вышеприведенные данные. „По положению рабы обычно являются прислугой,— пишет он,—они обычно дровосеки и водоносы. Нет определенных обязанностей, приписанных им; они делают то же, что и их владельцы: мужчины помогают в рыбной ловле, женщины в изготовлении ковров, корзин или в чистке рыбы“.² Новым моментом в сообщении является его указание на использование рабынь для изготовления корзин и ковров. Эти промыслы распространены по всему побережью, особенно высоко они развиты у индейцев мыса Фляттери и у тлинкит.

Однако никаких сведений об использовании рабского труда в этих отраслях у других племен мы не имеем. Нам представляется, что вероятно эти отрасли деятельности оставались пока привилегией свободных женщин, и использование рабынь на мысе Фляттери является лишь исключением. Фольклорные данные племен северо-западного побережья указывают на

¹ Swanton, Haida Texts, p. 100.

² Swan, Indians of Cape Flattery, p. 11.

тот же круг деятельности рабов, охарактеризованный выше-приведенными авторами. То обстоятельство, что на ряду с фантастическим элементом бытовые явления в фольклоре племен представлены вполне реалистично, дает возможность считать вполне правдоподобными указания на хозяйственную деятельность рабов в легендах и мифах племен.

Начнем с легенд, свидетельствующих об использовании рабов в основной отрасли хозяйства населения—в рыболовстве. В одной из легенд хайда рассказывается о сыне вождя, оставленном отцом и всем племенем, который, летая в шкурке чайки, увидел в лодке отца его рабов, ловивших рыбу.¹ Этот же вариант находим в мифах цимшиян; здесь сын вождя видит лодку отца, в которой на корме сидит рабыня, а ее муж и другие рабы ловят рыбу сетью.² Вероятнее всего основной мотив этой легенды—покинутый сын вождя с помощью темных животных обогащается пищей, а покинувшее его племя голодает,—возник у каждого племени независимо, благодаря общности условий социальной жизни. Это указание на рыболовство рабов можно считать правдоподобным, ибо оно не противоречит бытовой среде ни того, ни другого племени и подтверждается другими легендами. В другой легенде хайда упоминается, что раб вождя, будучи прекрасным охотником, имел также специальный ящичек с рыболовными принадлежностями, который всегда брал с собой.³ В легенде квакиютль „о лососе“ раб идет на лососевую запруду за рыбой.⁴ Почти все эти сведения характеризуют рабов, ловящих рыбу самостоятельно. Однако чаще они использовались в качестве подсобной силы, а организующая роль на ловле принадлежала их господам, которые сами занимались рыболовством. У хайда же в рассказе о войне их с тлинкитами сообщается, что тлинкит был на рыбалке с женой и двумя рабами, причем один из рабов бил лосося камнями.⁵ Мы встречаем также целый ряд указаний на охоту рабов; так, в легенде квакиютль о „Тяжести на полу“ упоминается раб, охотящийся с сыном вождя.⁶ В другой легенде этого же племени рассказывается: „вождь Намalak'ana'e послал 10 рабов охотиться на тюленей“.⁷ „Нех'hak'in послал несколько рабов охотиться на тюленей; рабы привезли 50 тюленей“.⁸ В одной из легенд хайда рабы отправляются на охоту с племянником вождя,⁹ в другой ле-

¹ Swanton, Haida Texts, p. 182.

² Boas, Tsim. Mythol., p. 229.

³ Swanton, Haida Texts, p. 152.

⁴ Boas, Kwak. Texts, p. 391.

⁵ Swanton, Haida Texts, p. 391.

⁶ Boas, Kwak. Texts, p. 359.

⁷ Ibid.

⁸ Boas, Ethnol., Kwak, pp. 840—841.

⁹ Swanton, Haida Texts, p. 273.

генде этого же племени раб вождя—хороший охотник и имеет магическую острогу на бобров.¹

Как и в рыболовстве, рабы охотятся и самостоятельно и со своим господином. Привезенный улов или добычу с охоты рабы выгружают и таскают в дом вождя.² В собирательстве, однако, рабыни всегда работают вместе с дочерьми или женами вождей. В одной из легенд цимшиян жена вождя идет с рабынями собирать ягоды,³ в другой легенде рассказывается, что „рабом сверхъестественного

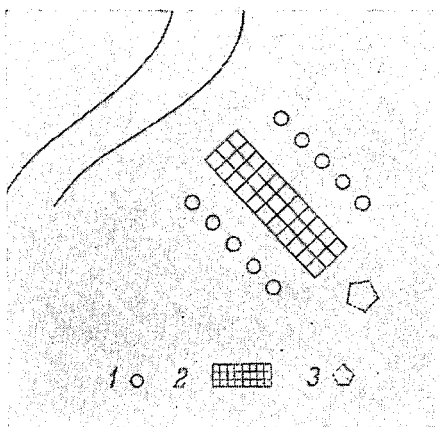

Схема рыбалки: 1) хижины рыбаков, 2) перекладыны для вяления рыбы, 3) жилище „владельца“.

существа была треска и она собирала для него дикие яблоки“.⁴ В рассказе тлинкит о происхождении меди читаем, что дочь вождя отправляется с рабами собирать ягоды.⁵ В легенде квакиютль о „Древнейшем—в мире“ читаем, что дочь вождя „Многоцветная женщина, имела 12 рабов, с которыми она ездила собирать дикий рис, причем рабы не только собирают рис, но они являются и гребцами“.⁶ Гребцами рабы представляются в большинстве легенд, где они упоминаются.

Часты упоминания о рабах, рубящих бревна, таскающих дрова и воду. В легенде квакиютль об „Убивающем на северном конце мира“ раб едет за дровами.⁷ В другой легенде этого же племени изображается раб лосося, срубаящий дерево с помощью деревянных клиньев и затем таскающий дрова с берега в дом.⁸ В легенде хайда упоминаются четыре раба поселка, приехавшие за дровами на песчаный берег залива.⁹ В одной из легенд цимшиян зять вождя собирается в лес за дровами, но тесть не позволяет ему этого делать, так как у него есть много рабов.¹⁰ Обычно это выполняется зятем,

¹ Ibid., p. 152.

² Boas, Tsim. Mythol., pp. 227, 302.

³ Ibid., p. 317.

⁴ Ibid., p. 240.

⁵ Swanton, Tlingit Myths, p. 252.

⁶ Boas, Kwak. Tales, p. 267.

⁷ Ibid., pp. 169, 219.

⁸ Ibid., p. 171.

⁹ Swanton, Haida Texts, p. 159.

¹⁰ Boas, Tsim. Mythol., p. 209.

племянниками и другими родственниками вождя, но в этой легенде вождь запрещает зятю рубить дрова, что должно подчеркивать богатство тестя.

Очень мало указаний на использование рабов в изготовлении лодок. Так, в легенде квакиютль о „делателе меди“ вождь приказывает своим 40 рабам строить лодку¹ и в одной из легенд хайда рабы посланы привести лодку в порядок.² Вероятно, рабы на этом деле использовались редко, потому что оно требовало известной квалификации, которую, как правило, рабы не обладали.

Рабы помогают сыну вождя изготавливать наконечники для стрел. В одной из легенд квакиютль рассказывается о рабе, ныряющем за раковинами и изготавливающим вместе с сыном вождя наконечники из них.³ Вся черная работа по дому выполнялась рабами. В одной из легенд хайда читаем: „в доме было столько испражнений, что рабы должны были выносить их ведрами“.⁴ Рабы разводят костер в доме вождя, их посылают за горячими угольями в соседние поселки или соседние дома.⁵

В легендах квакиютль „человек по имени «Красное небо утра» сказал своим слугам, подметальщику и добывателю огня, чтобы они приготовились. Добыватель огня сейчас же развел костер, а подметальщик подмел дом...“ Потом вошли два подметальщика и подмели правую сторону дома. Потом 4 слуги подали есть.⁶ Рабы готовят пищу и угощают своих господ и их гостей. „Мировой вождь“ в легендах квакиютль приказывает своему рабу принести корней клевера и сварить их. Раб взял корни и положил их на горячие камни, и они превратились в змей; гости отказались от такого угощения. Тогда вождь велел рабу сходить на лососевую запруду и посмотреть нет ли в ней рыбы; раб сейчас же ушел и быстро возвратился с двумя лососями, их зажарил и поставил перед гостями.⁷ В другой легенде старая женщина, рабыня вождя, просила гостей есть; вождь велел ей накормить сына и женщин.⁸ Вождь Эхо в легендах цимшиян приказывает своим рабам зажарить вяленого лосося.⁹ Рабы расстилают циновки и ценные меха для своих господ и для гостей.¹⁰

¹ Boas, Kwak. Texts, p. 221.

² Swanton, Haida Texts, p. 244.

³ Boas, Kwak. Texts, p. 399.

⁴ Swanton, Haida Texts, p. 140.

⁵ Ibid., p. 166.

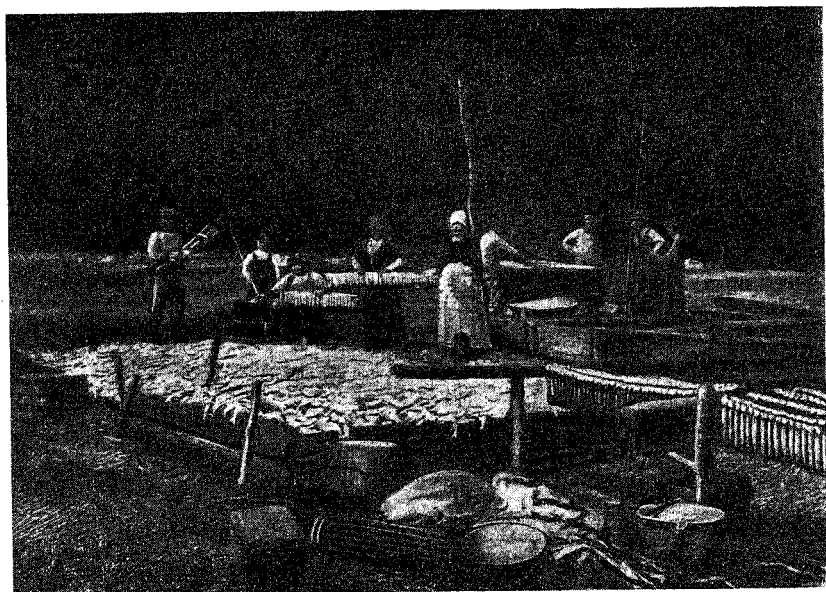
⁶ Boas, Kwak. Texts, p. 384.

⁷ Boas, Kwak. Texts, p. 391.

⁸ Ibid., p. 50.

⁹ Boas, Tsim. Mythol., p. 85.

¹⁰ Swanton, Tlingit Myths, p. 109.

Вываривание рыбьего жира.

В легенде квакиютль о „Струпе“ рабы расстилают циновки для гостей.¹ Рабы используются также на различного рода посылках: то идут узнать, кто подъехал к дому их хозяина,² то им приказывают позвать гостей к костру и угостить их;³ посылают также рабов пригласить племя в дом вождя.⁴ Вождь посылает своего раба узнать, что привез с охоты охотник.⁵ Вождь посылает рабов проведать своего сына, которого он оставил.⁶ Рабы, сопровождающие вождя, выходят первыми и сообщают о приезде своего господина.⁷ Сверхъестественное существо хочет жениться на девушке и посылает своего раба сватать ее. Раб является к ней ночью, она принимает его за жениха и выходит за раба замуж. Никто не знает, что он раб, но его убивает господин.⁸ Раб объявляет племени о том, что вождь намерен оставить своего сына и переселиться в другое место всем племе-

¹ Boas, Kwak. Tales, p. 73.

² Ibid., p. 391.

³ Boas, Tsim. Mythol., p. 287.

⁴ Swanton, Haida Texts, p. 140.

⁵ Boas, Kwak. Texts, p. 107.

⁶ Ibid., p. 182.

⁷ Boas, Tsim. Mythol., p. 72.

⁸ Ibid., p. 298.

нем.¹ Жена вождя посылает рабыню к мужчине посредницей.²

Дочери и жены вождей всегда сопровождают рабынями. В одной из легенд хайда рассказывается: „за дочь вождя ухаживали женщины, волосы которых торчали пуками (вероятно, это была предписанная им прическа.—Ю. А.); одна из них была из племени квакиютль, вторая тлинкитка; они оберегали дочь вождя“.³ В другой легенде того же племени рассказывается, что у дочери вождя было 10 рабынь. Родители ее пытались выдать замуж рабыню вместо дочери.⁴ „Две женщины пели, их голоса были очень красивы, вскоре они подошли к нему. Они обе были очень красивы“. Он думал, что это две сестры, но потом обнаружилось, что одна была дочерью вождя, а другая ее рабыней.⁵ Описывается появление дочери одного из вождей хайда: „она вошла с толпой рабынь“.⁶ В одной легенде цимшиян жену вождя всюду сопровождает рабыня, у которой вождь спрашивает о поведении жены. В легендах тлинкит дочь вождя берет с собой рабыню, а сын—раба. Сын вождя почти всегда имеет раба—сверстника, который в детстве играет с ним, а будучи взрослым всюду его сопровождает. Жена вождя отправляет 6 рабов своего мужа сопровождать своих детей.⁷ В легенде цимшиян вождь купил для своего сына мальчика-раба, который оставался с ним, когда родители уходили. Мальчики были в большой дружбе, сын вождя украл у матери кусок вяленого лосося для плачущего от голода раба.⁸ В другой легенде этого же племени сын вождя покинут вместе с своим рабом-мальчиком.⁹ Нередки случаи привязанности их друг к другу.¹⁰ Раб сопровождает своего господина на охоту, в походе, где он обычно является оруженосцем и гребцом; он разводит в пути огонь и prepares пищу господину. Характерен в этом отношении следующий рассказ хайда. „Раб был компаньоном Q'xetasa'we в охоте, который велел своему рабу разбудить его рано утром. Раб разбудил его еще засветло. Q'xetasa'we встал и позвал раба итти с ним купаться. Днем они отправились на берег. Раб взял несколько досок, на берегу он их расколол и зажег палку, чтобы обжечь дно лодки. После этого они повернули лодку вверх дном и протерли дно старыми цыновками. На следующий день они отправи-

¹ Swanton, Haida Texts, p. 173.

² Boas, Tsim. Mythol., p. 217.

³ Swanton, Haida Texts, p. 162.

⁴ Ibid., p. 151.

⁵ Ibid., p. 274.

⁶ Ibid., p. 298.

⁷ Boas, Tsim. Mythol., p. 268.

⁸ Ibid., p. 192.

⁹ Ibid., p. 227.

¹⁰ Ibid., pp. 227, 208, 193.

Жена вождя в праздничном наряде.

лись на охоту; раб принес на берег в лодку рукоять, веревку и наконечник гарпуна. Затем он приготовил своему господину пищу. И после этого они поехали. Q'elehetasa'we сказал рабу: «Ты греби так, чтобы мы могли пристать к берегу». ¹ Вожди глинок изображаются в окружении рабов. ²

Вождь лососей—в легендах цимшиян—посылает своих рабов на разведку для того, чтобы выяснить—не пора ли им двинуться в реки. ³

Старые, дряхлые рабы ухаживают за детьми. В легендах квакиютль читаем: „жена вождя позвала: «идите вы, укачивающие это плачущее дитя». Вскоре вошли 40 старых мужчин. 20 сели по левую сторону люльки, 20 по правую; два взялись за правую сторону люльки, два за левую. Они четверо стали качать люльку, а остальные произнесли «На'ху ха'н». Ребенок перестал плакать“. ⁴ Цифры здесь явно преувеличены, но важно указание на то, что используются на этом деле старые, непригодные к другой работе рабы. Там же встречаем указание на другой случай, свидетельствующий об использовании рабов в этом же направлении; отец, обращаясь к сыну, говорит „эти сорок рабов и сорок шкур морского бобра пойдут тебе“. Эти сорок рабов должны качать плачущее дитя. ⁵ В легендах цимшиян вождь приказывает своим рабам носить плачущее дитя. ⁶ Там же сына вождя воспитывает рабыня, а рабы ухаживают за ним, готовят ему смолу для жевания, ежедневно перевозят его на остров, где он любит играть. ⁷ Жена вождя приказывает рабам приготовить сытную пищу сыну; рабы его кормят, и он все же остается голоден. ⁸

Можно было бы привести еще целый ряд легенд, в которых рабы разводят огонь, варят пищу, убирают дом, носят воду, сопровождают своих господ и т. д. Однако приведенные данные достаточно характеризуют экономическую роль рабов в хозяйстве упомянутых народов. Они дают возможность определить круг основной деятельности рабов следующим образом. Рабы помогают своим владельцам в рыбной ловле, охоте, постройке лодок, домов и запруд, они чистят и готовят для копчения рыбу, рубят бревна, заготавливают дрова, убирают дом, разводят огонь, таскают воду, готовят пищу, обслуживают своих господ и нянчат детей. Они сопровождают вождя и его семью, часто выступая в качестве гребцов. В основном они используются на

¹ Swanton, Haida Texts, pp. 439—441.

² Архим. Анатолий, В стране шаманов, стр. 29.

³ Boas, Tsim. Mythol., p. 196.

⁴ Boas, Kwak. Texts, p. 208.

⁵ Ibid., p. 210.

⁶ Boas, Tsim. Mythol., p. 61.

⁷ Ibid., p. 216.

⁸ Ibid., p. 59.

малоквалифицированных работах, и их труд играет второстепенную, вспомогательную роль. Здесь труд не стал еще рабской деятельностью подобно тому, как то было в Греции и Риме, где „добывание средств к существованию собственным трудом стало признаваться делом, достойным лишь раба“.¹ Однако и у индейцев встречаются отдельные моменты, намекающие эволюцию в этом направлении. Так, у племени нутка, по свидетельству Gunther, „только низший класс и рабы ловят рыбу, тогда как вожди и их близкие охотятся лишь на китов и морских бобров.“² Среди индейцев мыса Фляттери Swan отмечает: „раньше считалось унизительным для вождей-рабовладельца выполнять какую бы то ни было работу, кроме рыбной ловли и охоты на китов“.³

Но этой тенденции не суждено было стать действительностью. Приход европейцев остановил самобытное развитие народов побережья. Все развившиеся институты начали разрушаться и отмирать.

Количество рабов. О количестве рабов у индейцев существуют разнообразные сведения. Simpson указывает, что рабы тлинкит составляли $\frac{1}{3}$ населения.⁴ Эта цифра весьма преувеличена. Ближе к истине приводимые у McLeod результаты переписи, произведенной между 1836 и 1846 гг., согласно которой численность рабов среди населения вариировала от $\frac{1}{7}$ у тлинкит, до $\frac{1}{20}$ у южных квакиютль.⁵ По данным Сирота, приводимым у McLeod, рабы составляли половину населения северо-западного побережья.⁶ Это также преувеличивает количество рабов, которое вариировало от племени к племени, а также было различно в отдельные промежутки времени в пределах одного и того же племени. Несомненно, что непосредственно после экспедиции за рабами их число было больше, чем некоторое время спустя после нее.

Рабов могли иметь только главы богатых семей и родов. О наличии специальных запретов иметь рабов простолюдинам данных нет, но последние не имели их в силу дорогой цены рабов, а военные походы в состоянии были организовывать только состоятельные лица. „Раньше каждый туземец хорошего происхождения имел раба, а некоторые начальники имели пять и шесть“, — свидетельствует Sproat в отношении нутка.⁷ По данным Jewitt, касающимся этого же племени, средней цифрой было 12 рабов, однако он указывает, что

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 140.

² Gunther, Klallam Ethnography, p. 214.

³ Swan, Indians Cape Flattery, p. 11.

⁴ Simpson, Narrative of a Journey Round the World, p. 125. — Jones, Indians of Canada, p. 328.

⁵ McLeod, Slavery, p. 375.

⁶ Ibid., p. 375.

⁷ Sproat, Scenes and Studies, p. 90.

один из вождей владел 50 невольниками.¹ „Богачи (племени тлинкит.—Ю. А.) имели по 30—40 рабов“, — свидетельствует Литке.² В легендах квакиютль число рабов у вождей вариировало от 10 до 40. В приданое дочери вождь обычно давал 2—4, и иногда и 6 рабов, но и 4 считалось уже большой цифрой. В среднем можно принять, что количество рабов отдельного владельца редко превышало цифру 10. Большие цифры являлись редким исключением. Новейшие сведения о количестве рабов у хайда сообщает Murduck, который пишет, что „большинство домохозяйств рабов не имело, а наибольшее число их для отдельных домохозяйств равнялось трем“.³

Рабами были преимущественно захваченные в бою пленники. Здесь, подобно тому как это было отмечено

Энгельсом в отношении гомеровской Греции, „рабство военнопленных было признанным учреждением“.⁴ На характер происхождения рабов у тлинкит мы имеем указание Вениаминова: „калги или рабы колош, суть военнопленные или купленные от других и также дети рожденные от калги матери“,⁵ последнее его замечание говорит о наследственном характере рабства, о чем мы будем говорить ниже. О кенайцах, соседях тлинкит, Wrangel пишет, что их „военнопленные становились рабами“.⁶ Относительно индейцев квакиютль Воас сообщает, что их „рабы не составляют части рода; это пленные, взятые на войне или купленные“.⁷ Подобные же свидетельства мы имеем в отношении племен селиш.⁸ Война и похищение

Женщина квакиютль с деформированным черепом.

¹ Jewitt, Narrative, p. 139.

² Литке, Путешествие вокруг света, стр. 150.

³ Murdock, Rank and Potlatch, p. 17.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 83.

⁵ Вениаминов, Записки, ч. III, стр. 111.

⁶ Wrangel, Statistische und ethnografische Nachrichten, p. 110.

⁷ Voas, Sos. Organ. Secret Sos. Kwak. Ind., p. 338.

⁸ Teit, The Middle Columbia Salish, p. 122.

были основными источниками рабов у нутка.¹ На военный характер рабства указывает термин, употребляемый для обозначения раба у племени квакиютль. Раб обозначается элементом q'aku q'ak'o, в основе которого лежит корень q!ak', что означает — „отрезать голову“. Существовавший, наряду с рабством, обычай отрезать головы убитых противников и привозить их в виде трофеев, свидетельствует о том, что враги, которым в далеком прошлом отрезали головы, ибо рабам не было еще места в обществе, позже стали обращаться в рабство; q.akubido — означало „маленький раб“ (bido — суффикс со значением „маленький“), q!ak'ultslalis — „собранные в доме“, т. е. рабы, собранные в доме; это указывает на то, что рабы жили в одном доме с господином.

В дальнейшем с этим корнем образуется термин, характеризующий не только закрепление военного рабства, но и зародыши закабаления родичей — это термин q!aq!waxo, который имеет два значения: первое — „продажа раба“ и второе — „выдача займа с большим процентом“. А термин q!agwid — „рабовладелец“ — сохраняется до последних дней в значении „господин“, несмотря на то, что рабство уже исчезло.

¹ Sproat, Scenes and Studies, p. 90.

ГЛАВА VII

Источник рабов—война. Племена побережья некогда отличались большой воинственностью и вели частые войны между собой. По своему характеру эти войны чаще всего были разбойничьими набегами с целью захвата рабов и имущества. Они велись не только между соседними племенами, но предпринимались также и дальние экспедиции. Квакиютль, по свидетельству Воас, делали частые набеги на племена селиш в дельте р. Фрезер.¹ Некоторые северные племена цимшиян, хайда и др. делали набеги на племена залива Пюджет.² „Тлинкиты большую часть года проводили в военных походах против соседних алеутских племен“. ³ Sproat сообщает, что индейцы мыса Фляттери—богатое и сильное племя—заставляли крупные племена острова Ванкувер атаковать соседящие с ними мелкие племена и забирать людей в рабство. В связи с этим целый ряд мелких племен острова рассматривался как источник рабов.⁴ Рабы тлинкит по свидетельству Вениаминова были из племен, живших по рр. Орегону и Колумбии.⁵ По методу эти войны являлись внезапными атаками на врага. Организация военной атаки, принятой тлинкитами против русских, ярко описана Барановым, который был непосредственным участником этого столкновения во время колонизации русскими Аляски. Описание это, очевидно, было сделано в письме Баранова к архимандриту Анатолию, которое мы находим в книге последнего, цитировавшейся нами выше. Мы приводим его полностью, так как оно более или менее всесторонне характеризует характер военного снаряжения и войн, предпринимавшихся не только тлинкитами, но и соседними с ними пле-

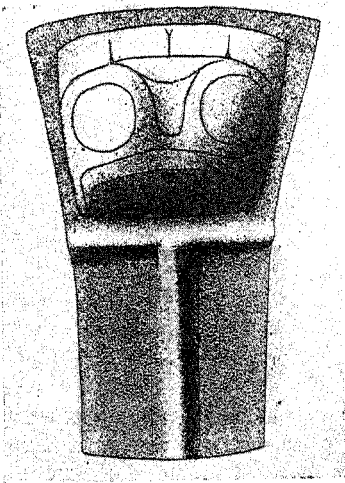
¹ Воас, Report N.-W. Tribes, 1892, p. 526.

² Haeberlin and Cunther, The Indians of Puget Sound, p. 12.

³ Архим. Анатолий, В стране шаманов, стр. 5.

⁴ Sproat, Scenes and Studies, p. 92.

⁵ Вениаминов, Записки, ч. III, стр. 31, 110.

Медная пластинка.

менами побережья. „В самую глубокую ночь, перед зарею, — пишет он, — окружило нас множество вооруженных людей, и со всех сторон началось колотье и резание инородцев (алеутов, бывших в стане Баранова. — Ю. А.). И нас подкололи тут двух, бросившихся со сна. Хотя в карауле и стояло пять человек, но они (глинкиты. — Ю. А.) так близко подползли, за мрачностью ночи, что усмотрели их уже в 10 шагах колющих в наши палатки. Долго мы стреляли из ружей без успеха, ибо одеты они были в три и четыре ряда деревянными и плетеными куяками и сверху еще прикрывались лосиными, претолстыми плащами, а на головах — с изображением лиц разных чудовищ —

претолстые шишаки, коих никакие ни пули, ни картечи наши не пробивали. И они подлинно в темноте страшнее самых адских чертей нам казались, и наблюдая совершенный порядок в движениях, по голосу одного повелевавшего, стройно к нам приближались, а часть только отделенная бегала туда и сюда, причиняя вред нам и иноверцам. Два часа они стояли, и мы огонь по ним производили до самого рассвета, а тут отступая несколько остановились, покушаясь еще на нас устремиться“.¹ Из этого описания мы видим, насколько высока была организация войны у глинкит, что они могли противостоять огнестрельному оружию европейцев.

В той же книге мы читаем: „Воины одного клана, снарядивши несколько военных ботов или военных лодок, приезжали к неприятельскому селению тайона и нападали на врага в темную глухую полночь, производя при этом страшный шум. При таких нападениях имелось в виду как можно более забрать пленных“.² Такой метод нападения был характерен и для всех племен побережья.

Много данных в этом отношении дают легенды, общей идеей которых является проповедь храбрости. Согласно легендам нападали чаще всего на спящее население. Экспедиции проводились на лодках. Большая лодка глинкит могла вместить более 40 человек хорошо вооруженных воинов.³ 2—3 лодки подготавливались с тем расчетом, чтобы к вечеру

¹ Архим. Анатолий, В стране шаманов, стр. 6—7.

² Там же, стр. 39.

³ Там же, стр. 5.

незаметно подъехать к вражескому поселку, а с утренней зарей напасть на спящего врага. В легендах хайда следующим образом описывается один из набегов на тлинкит. Поводом к набегу был следующий факт: тлинкиты зазвали к себе в поселок богатую женщину из племени хайда, которая ехала в лодке с 10 рабами и с медной доской стоимостью в 10 рабов; после угощения ее убили с пятью рабами, остальные же пять успели от берега отъехать, но также погибли в море. „Вспоминая об этом, — сообщает рассказчик, — мы решили воевать с тлинкитами. С середины зимы стали пить лекарства,¹ и прямо с рыбалки, где ловили черную треску, мы отправились воевать в двух лодках... на второй день еще засветло мы увидели скалы вдоль берега. Мы дождались вечера. А когда вечер наступил, мы подъехали к берегу. Утром мы втащили наши лодки... Внимательно наблюдая и незамечаемые врагом, мы увидели четырех человек... После этого мы отправились искать людей; мы знали, что люди жили там. Тогда мы заметили дым вдали залива. А когда настал вечер, мы отправились туда. Перед рассветом лодки подъехали; там было четыре дома, внизу была широкая полоса крутого берега. Когда мы вошли на берег, Ankusta² «стер» души людей и велел нам идти посмотреть дома. Двое пошли посмотреть; как только они подошли, большая собака залаяла на них. Когда они вернулись, Ankusta произвел действие, которое означало, что он крепко связал рот собаки, и сказал «Теперь идите опять посмотрите дома, теперь если она (собака. — Ю. А.) увидит вас, она не будет лаять». Тогда отправились двое других. Только щиновка висела на двери; я прилег у входа и услышал, что в доме раздавался храп. Я укрепил нож на руке, вошел и почувствовал, что там были только одни женщины. «Перед нападением на дома между воинами произошла ссора, помешавшая нам напасть на поселок, и они отправились ни с чем».³ В пути они встретили большую лодку, в которой ехали тлинкиты, они стояли в ней в ряд и имели много ружей. Завязалась борьба между лодками; мужчины-тлинкиты были все убиты, за исключением одного, ноги которого связали, а руки скрутили за спиной веревками. Женщины были взяты в рабство, вместе со всем имуществом. «У нас было только 9 рабов».⁴

Картину атаки и ее последствий дает ряд других легенд. „Ночью приехали люди залива, — рассказывается в одной из легенд хайда, — убили весь народ, а женщин и детей взяли в рабство“.⁵ В легенде тлинкит, описывающей атаку на них

¹ Снадобья для самоукрепления, иногда соленая вода.

² Имя шамана.

³ Swanton, Haida Texts, pp. 364—370.

⁴ Ibid., p. 367.

⁵ Ibid., p. 306.

племени среднего поселка, читаем: „они убили всех мужчин и забрали в рабство женщин и детей“. ¹ Всюду говорится буквально то же самое „они напали, убили мужчин, а женщин и детей забрали в рабство“. Описываются атаки не только ночью, но и днем во время мирных занятий. Например, у хайда описывается такой случай: „когда они были на рыбной ловле, враги напали на них; это были кайгани и люди Среднего поселка. Они взяли в рабство весь народ Гальки“. ² В одной из легенд квакиютль рассказывается о набеге всех племен квакиютль на племя авейтлела; воины почти все население втолкнули в лодки и сделали их рабами. ³

Привожу следующий рассказ о войне между маамтагила (род квакиютль) и южными племенами, записанный мною со слов индианки в Форте Руперт в 1930 г.: „Три южные племена — цама, нонос, нанаймо — приготовились к войне с народом маамтагила. Они приготовили 100 лодок для военной экспедиции. Они проезжали о-ва Цеколетом и Хусан, а народ маамтагила ничего не знал о надвигающейся войне. Его люди в это время вялили лососей на своих рыбалках и удивлялись, почему рыба не шла в их запруды; они были уверены, что это было каким-то предзнаменованием. Один старик ловил рыбу ночью. И однажды он заметил, что кто-то его преследует, но не знал, кто это был. Слышали также крик вороны и раздумывали, почему она кричит. Тогда один древний старик сказал, что наверное кто-нибудь идет на них войной. Однажды ночью все мужчины ушли осматривать рыбные запруды и только старики остались на стоянке. Когда люди вернулись от рыбных запруд, они нашли двух стариков убитыми. Тогда они послали несколько человек в he'lade сообщить о смерти стариков. На следующую ночь южане подъехали к he'lade, маамтагила поднялись на холм k!okup!asela и приготовились к войне, ибо знали, что wina ⁴ идет кустами. В это время люди не имели ружей, воевали с помощью лука и пращи. Только двое из маамтагила были убиты в битве, а большинство южан были мертвы. Из 100 лодок, в которых они приехали, только пять успели ускользнуть, а все убитые остались лежать на берегу. Немного ниже охотился один из племени тлеквильток, то же племя, квакиютль, он заметил лодки южан, севшие на мель. Они не знали места и сели на мель и никак не могли сняться с нее. Охотник напал на этих людей и убил некоторых из них, а остальные убежали в лес. Они устроили плот для переправы на другую сторону реки, для того чтобы вернуться к своим лодкам. Один охотник на тюленей, увидев этот плот, подумал сна-

¹ Swanton, Tlingit Myths, p. 75.

² Swanton, Haida Texts, p. 375.

³ Boas, Kwak. Tales, p. 469.

⁴ Wina — божество войны.

чала, что это был тюлень, но, когда он подъехал к ним, убедился в том, что это были южане, убежавшие домой. Он убил их всех своей дубиной для тюленей, отрезал им головы, нагрузив ими лодку, и возвратился домой. Дома он снял скальпы с этих голов. Только два южанина вернулись к себе на родину рассказать своим воинам о случившемся. Это была последняя война маамтагила с южными племенами. Этот рассказ передал мне мой отец“.

При экспедиции всегда присутствовал шаман, причем успех экспедиции в огромной степени приписывался ему. В одной из легенд тлинкит это выражено особенно ярко: „Когда они брали с собою этого шамана, они всегда забирали в рабство много женщин и иногда разрушали целые поселки. Все это было благодаря его силе“. ¹ Во главе военной экспедиции всегда стоял военачальник, который обычно был младшим братом, сыном или племянником главы богатой семьи, организовавшего это предприятие. В экспедиции всегда имелся человек с факелами для поджога поселка, кроме того запасались веревками для связывания пленников. Вооружение, до прихода белых, главным образом, состояло из лука и стрел и из большого нефритового ножа, прикрепленного к руке воина. Тлинкиты надевали деревянные панцырь и шлем; панцыри покрывались изображениями тотемных животных, а шлемы резьбой (несколько таких образцов хранится в Музее Института этнографии Академии Наук СССР).

Военные экспедиции предпринимались иногда членами одного рода, иногда объединялась целая фратрия, но часты случаи и объединения нескольких родственных племен. При удачных атаках поселки совершенно опустошались. Мужчин, оказавших сопротивление, убивали, отрезали им головы и везли последние в качестве трофеев. Престарелых, как указывает Вениаминов, убивали, а молодых обоюго пола брали в плен.

Воин-тлинкит в полном вооружении.

¹ Swanton, Tlingit Myths, p. 73.

При таких нападениях имелось в виду, как можно более забрать пленников.¹ Что касается количества захваченных в плен, то обычная цифра 9—10 человек, приводимая в легендах, весьма вероятна; частые же упоминания легенд о том, что воины „захватили весь поселок“ — сомнительны; вероятно, это фантастический элемент, долженствующий подчеркивать храбрость воинов своего племени. Во время набегов особенно пытались захватить ближайших родственников вождей, ибо владение ими считалось весьма почетным. В легендах, восхваляющих храбрость и подвиги вождей, часты описания захватов в рабство жен, дочерей, братьев и сыновей вождей; особенно ярко эта тенденция выражена героем легенды о каменном теле, который заявляет: „мое имя будет «Дающий пищу каменное тело» потому, что я пойду войной на весь мир, чтобы ограбить вождей всех племен; вожди мира станут нашими рабами“.² Далее описывается, как этот герой побеждает одного вождя за другим и обращает их в рабство.

Довольно часты в фольклоре разбираемых племен описания неудачных экспедиций. В лучших случаях часть воинов возвращалась домой, а иногда и сами нападающие попадали в плен.

Связанных по рукам и ногам рабов везли к себе в поселок. Если в пути делались остановки, то рабы обычно оставались в лодках; правда, в одной из легенд хайда мы читаем: „когда мы входили в дома, мы высаживали из лодок рабов; некоторые из них несли детей“.³ В легенде квакиютль, приводимой выше, „Каменное тело“ вышел на берег со своими рабами;⁴ но это делалось из опасения, что, пока воины угощаются в чужом поселке, рабов могут украсть или отпустить на волю. Тем, кому предстояло попасть в рабство, являлся сверхъестественный раб, как это видно из одной легенды хайда; он вылезал из ямы с всклокоченными волосами, большим животом и в лыковых накидках.⁵

Набеги за рабами были настолько регулярным занятием, что в связи с ним выработался обряд магического воздействия на успех экспедиций. У хайда, по описанию Swanton, „жена каждого воина делала два пояса из сухожилий кита, один — для себя, другой — для мужа. На спинной части поясов она выделывала человеческую фигурку, представлявшую духов рабов, которых воины предполагали захватить“.⁶ Пояс не снимался ни мужчинами, ни женщинами до конца экспедиций. В течение четырех дней ни те, ни другие не прикасались

¹ Вениаминов, Записки, ч. III, стр. 111.

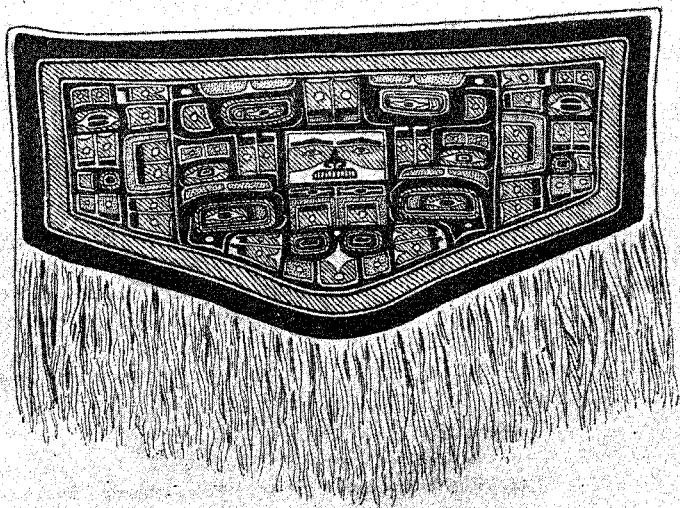
² Boas, Kwak. Texts, p. 208.

³ Swanton, Haida Texts, p. 269.

⁴ Boas, Kwak. Texts, p. 224.

⁵ Swanton, Haida Texts, p. 375.

⁶ Swanton, Haida, p. 55.

Накидка чилкат.

к пище. В остальное время экспедиции воины вообще ели мало и вождь раздавал пищу небольшими порциями. Жены воинов одной лодки жили в одном доме; спали они головами в том направлении, куда уехали их мужья. Очень рано утром женщины уходили за деревню, устраивали как бы набег, нападая на своих детей и делая вид, что они забирают их в рабство. „Этим они якобы помогали успеху экспедиции мужчин“.¹ Возвращение из военной экспедиции без рабов и без голов убитых врагов считалось позорным. Только этим чувством можно объяснить следующую легенду квакиютль. „Норка поехала воевать со своим другом — речным бобром. Она убила своего друга, пристала у берега, вытащила свой мускусный мешок и превратила его в человека и, посадив его в нос лодки, спросила: «К какому племени ты принадлежишь, раб?» — «Я — мускусный мешок норки», — ответил мальчик. «Ты не должен так говорить, — сказала ему норка, — ты должен сказать: я сын вождя племени Бесчисленных». Приехав домой норка вышла из лодки и вытолкнула из нее своего раба... Племя встретило ее с почетом, но раб все же ответил на вопрос соплеменников норки, что он мускусный

¹ Ibid., p. 55.

мешок норки. Все стали смеяться над норкой и играть ее мускусным мешком".¹

Работорговля. Рабы были одним из ходовых товаров побережья. По данным исследователей, работорговля на северо-западном побережье процветала; в ней имелось два направления: одно — с юга, откуда доставлялись рабы от племен северной Калифорнии, другое — с севера. В Даллес существовал регулярный рынок, находившийся в руках племени вишрам. „Жители Даллес скупали рабов и перепродавали их. Это были преимущественно девочки и мальчики и немного взрослых“.² Основными поставщиками рабов в Даллес, по свидетельству Spier и Sapir, были племена кламат, клкитат и др. Кламат обычно делали экстенсивные набеги с целью захвата рабов; большинство последних они привозили в Даллес для продажи. По данным 1857 г., они захватили 56 женщин и детей индейцев р. Пит и продали их в Даллес.³ По свидетельству Swan, племя маках скупало рабов с о-ва Ванкувер и продавало их также в Даллес;⁴ также и по свидетельству Sproat это племя было особенно активно в работорговле.⁵ Таким образом Даллес был наиболее бойким местом работорговли. Северные племена побережья — тлинкиты, квакютль — непосредственно с Даллес связаны не были и сносились с ним при посредничестве племени чинук. Чинук авторы характеризуют, как занимающихся, главным образом, торговлей рабами, которых они скупали у южных и материковых племен и продавали с выгодой северным племенам. Это племя скупало рабов в Даллес у племен кламат и васко, которые захватывали их в набегах, главным образом, на племена северной Калифорнии. По свидетельству Boas, племя чинук до прихода белых являлось в северной и средней части побережья главным посредником в торговле. К тлинкитам рабы попадали через посредничество цимшиян.⁶ Sproat сообщает, что ему известны случаи работорговли между западным побережьем о-ва Ванкувер и Викторией в течение последних двух лет, следовательно уже после значительной колонизации побережья белыми и после основания европейского города Виктория на юге острова Ванкувер. Эта колонизация дала новое направление работорговле. „Раньше, — пишет этот автор, — мужчины предпочитались женщинам, но после колонизации острова цена на женщин значительно возросла, благодаря проституции среди холостого населения колонии.“⁷ Молодая женщина,

¹ Boas, Kwak. Tales, p. 159.

² Teit, Middle Col. Sal., p. 121.

³ Spier and Sapir, Wishram Ethn., p. 221.

⁴ Swan, Indians of Cape Flattery, p. 11.

⁵ Sproat, Scenes and Studies, p. 92.

⁶ Boas, Report N.-W. Tribes, 1898.

⁷ Отметим попутно, что в этом виде „промысла“ индейцы использовали не только рабынь, но и жен и своих дочерей.

стоящая, напр., на северном конце западного побережья острова 30 одеял, в Виктории будет стоить 50—60 одеял, или около 30 англ. фунтов... Побережье Британской Колумбии и острова на севере являются главными источниками этой позорной торговли с Викторией".¹

Во времена Wrangel раб мог быть выменен на 15—20 оленьих шкур, 25 речных бобров или две шкуры морской выдры.² В середине XVIII в., после прихода европейцев, стоимость раба равнялась 60 одеялам „с присовокуплением и других товаров на 100 рублей“.³

Среди тлинкит, по данным, которые приводит Weitzner, рабы имели определенную цену в шкурах оленей: от 12 до 25 шкур.⁴ В легендах цимшиян указывается, что вожди уплачивают за раба 19—20 одеял.⁵ Strong в отношении чинук сообщает, что мальчик-раб 10 лет стоил 5 одеял, несколько старше—10 одеял, но это было хорошей ценой за них.⁶

С приходом белых и целым рядом ограничительных мер, ими проводимых в интересах капиталистического производства, количество рабов все уменьшалось, и увеличивалась их цена. McLeod приводит данные о племени хайда, согласно которым хороший раб стал стоить до 200 одеял. Эти данные заимствованы у Dawson⁷.

В Даллес рабы выменивались на шкуры зверей, лодки; среди южных племен побережья—на лошадей, на шерстяные одеяла, ставшие с приходом белых денежной единицей. Цена раба варьировала в зависимости от возраста и отдаленности от рынка. По данным Gatchet, в 1857 г. в Даллес калифорнийская женщина продавалась за 5—6 лошадей местной породы; мальчик—за 1 лошадь.⁸ Но цена эта увеличивалась по мере продвижения рабов на север. „Цена раба постепенно возрастает, пока он будет доставлен на лучший рынок, благодаря тому, что сильные племена не пропускают даром лодки более слабых племен, ищущих покупателей“.⁹ Spier и Sapier говорят о племени кламат, что последнее установило цену за 2 рабов-детей в Даллес 5 лошадей, несколько шкур бизона и бисер.¹⁰ Таким образом в этой оценке исследователи сходятся. Данные исследователей о цене рабов в одеялах также почти сходятся. По данным Swan, в 1860 г. „цена

¹ Sproat, Scenes and Studies, p. 92.

² Wrangel, Nachrichten, p. 64.

³ Тихменев, Историческое обозрение Русско-американской компании, p. 345.

⁴ Weitzner, Primitive Dollars, p. 329.

⁵ Boas, Report N.-W. Tribes, 1891, p. 416.

⁶ Strong, Wah-keé-nah, pp. 131—133.

⁷ Dawson, The Queen Charlotte Ind., p. 132.

⁸ Gatchet, Klamath, p. IX.

⁹ Sproat, Scenes and Studies, p. 92.

¹⁰ Spier and Sapier, Wishram Ethnography, p. 224.

раба колебалась от 20 до 100 одеял".¹ Это сообщение совпадает с вышеприведенными данными Sproat, относящимися к тому же времени. Henshaw также указывает, что в среднем „цена взрослого раба равнялась 500 долларам, цена же детей 150 долларам в одеялах".²

Мы располагаем интересным сообщением о том, что рабы мужского пола у тлинкит ценились вдвое дороже, чем женщины. Такое явление вполне закономерно и в отношении других племен побережья потому, что труд мужчины и в рыболовстве и в охоте племен побережья важнее и ценнее, чем труд женщин.

Интересны данные Teit в отношении индейцев томсон. У них 1 раб стоил большую сеть для ловли лосося; хороший раб—10 футов нанизанных раковин (вампум) плюс 2 выделанных шкуры оленя плюс 1 выделанная шкура лося; менее ценный раб—25 футов вампум плюс 1 лодка.

О цене рабов среди племен залива Пюджет, ближайших соседей рассматриваемых нами племен, с которыми их связывал рынок в Даллес, Gunther приводит следующие данные: 1 раб стоил 20 сажень нанизанных раковин, а хороший раб стоил и 30—40 сажень или 2—4 больших северных раковины; мальчик-раб стоил 5 шкур выдры, или 2 шкуры бобра, или 5 невыделанных шкур дикого оленя, или 1 выделанную шкуру последнего; рабыня или раб во цвете лет могли быть куплены за 10 шкур выдры, за 5 шкур бобра, за 2 медвежьих шкуры плюс 1 шкура бобра, или за 10 невыделанных шкур дикого оленя.³

Эти сведения важны для выяснения нашего вопроса, потому что, как мы уже выше указали, эти индейцы были в торговых связях с индейскими племенами разбираемого нами района.

Уже цена на рабов указывает на то, что рабы имели важное значение в жизни народов северо-западного побережья.

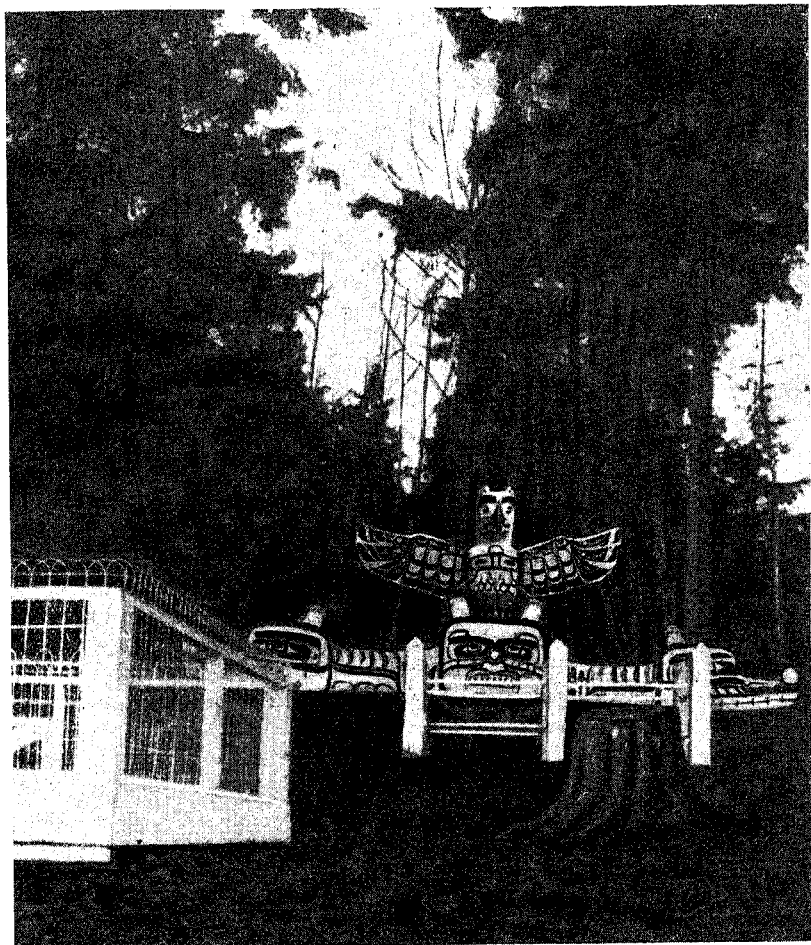
Кабальное рабство. На ряду с военным рабством, здесь можно предполагать наличие зачатков кабального рабства. Первым шагом по пути порабощения своих родичей мы считаем наличие категории клиентов. Правда, это еще довольно слабая форма подчинения, но она уже предполагает большое неравенство внутри рода. В легендах клиенты упоминаются на ряду с рабами, хотя они еще свободные члены рода. Они используются на всевозможных работах, составляют свиту вождя, сопровождают его всюду. Вождь приказывает „своим людям и рабам накормить гостей“;⁴ они

¹ Swan, *Indians of Cape Flattery*, p. 12.

² Henshaw, *Slavery*, p. 596.

³ Gunther, *Klallam Ethnography*, p. 29.

⁴ Boas, *Tsim. Mythol.*, p. 255.

Надгробный памятник одному из вождей квакиютль. Форт Руперт.
1930 г. (Фото автора.)

убирают дом, разводят огонь, варят пищу, носят воду, охотятся, ловят рыбу.

Описание характерного случая мы встречаем в легендах квакиютль. Вождь обращается к охотнику: „я хочу, чтобы ты перешел жить в мой дом, иначе ты будешь чувствовать себя одиноким“. На это охотник отвечает: „нет, вождь, я не пойду в твой дом, чтобы быть водоносчиком“.¹

Клиентами, по свидетельству Воас, „могут быть младшие члены семьи вождя или люди, не принадлежащие к хорошим

¹ Воас, Kwak. Texts, p. 408.

семьям, или рабы; часто это бывают его племянники и зятья".¹ Дальнейшим более поздним шагом является закладывание себя и членов своей семьи. В легендах цимшиян указывается на возможность закладывания жены и детей проигравшимся индейцем. У квакиютль „человек, имеющий плохой кредит, может заложить свое имя. Это называется q!aq!axo продажа раба".² Несомненно, что, закладывая свое имя, человек тем самым ставит себя в кабальную зависимость от кредитора. В материалах хайда отмечен случай, когда женщина была отдана своему же соплеменнику — племяннику вождя в качестве „жены-рабыни". Это было для нее наказанием, заменившим смерть.³

Все эти факты говорят о наличии зародышей кабального рабства у племен побережья, правда, в весьма ограниченных размерах.

Появление кабального рабства Ф. Энгельс непосредственно связывает с военным рабством. Так, в главе о греческом роде мы читаем, что одним из разрушающих элементов рода было „рабство сперва только военнопленных, но уже подготавливающее возможность порабощения собственных соплеменников и даже сородичей".⁴ Следовательно, рабство военнопленных настолько увеличивает имущественное неравенство внутри рода и племени, что влечет за собой закабаление сородичей и соплеменников. На связь этих двух форм рабства указывает и вышеприведенный нами термин квакиютль (q!aq!waxo).

Рабы — мера ценностей. На ряду с хозяйственным значением, рабы также играли роль единицы накопления богатства и обмена. Чем больше рабов имел вождь, тем богаче он был. На потлачах часто раздавались рабы. В легенде квакиютль о madem вождь, возвратившись из военной экспедиции, „дал большой потлач всем племенам шкурами зверей, рабами и медными пластинками".⁵ В целом ряде легенд, при перечислении богатств вождя, неизменно упоминаются рабы. Так, в легенде нимкиш „Куносила" говорится о вожде waxwid, который был лишен всего состояния — „своих рабов, своих лодок, лососевых запруд и всего, что он ценил".⁶ В упомянутой уже выше легенде „о madem" вождь убил своих врагов и „захватил их рабов, жен, детей, их сети, их рыбалки, гербы и лососевые запруды".⁷ В легенде о „Дающем жар" вождь морских выдр дает сыну „Дающего жар" свою дочь и, как

¹ Boas, Tsim. Mythol., p. 430.

² Boas, Soc. Org. Secr. Soc., p. 341.

³ Swanton, Haida Texts, p. 384.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 86.

⁵ Boas, Kwak. Tales, p. 103.

⁶ Ibid., p. 93.

⁷ Ibid., p. 105.

брачный подарок, дом, гарпун, рабов и двух своих слуг.¹ Нередко вожди откупаются от своих врагов. В легенде „Каменное тело“, вождь говорит приехавшему войной на него вождю по имени „Дающий пищу“: „не убивай нас, возьми мою дочь в жены, мой герб . . . эти 40 шкур морской выдры и этих 40 рабов“.² Другой вождь там же говорит „Дающему пищу“: „эта река моя пойдет тебе, мое имя и также мои 10 рабов“.³ Кроме того, рабы выступают в легендах в качестве денежной единицы, на ряду со шкурами выдр. Особенно отчетливо это выявляется в легенде квакиютль „Сельди“. На берегу, принадлежащем человеку по имени Вес, оказалось много сельди и люди стали выменивать у него сельди на рабов; поэтому Вес стал вождем.⁴ В легендах цимшиян вяленая рыба и мясо вымениваются на лодки, шкуры и на рабов.⁵ В упоминавшейся выше легенде „o madem“ магические предметы—кора кедра, кварц и белое перо—были куплены на рабов и шкуры морской выдры. В легендах всюду рабы упоминаются на ряду с ценными медными пластинками. Шаману за лечение платят рабами, лодками, шкурами и одеялами.⁶

Все эти факты ясно показывают, что до появления одеял фабричного производства рабы были самой распространенной единицей обмена и накопления, на ряду со шкурами морской выдры; раковины также были в употреблении, но они больше были распространены на юге.

¹ Ibid., p. 365.

² Boas, Kwak. Texts, p. 209.

³ Ibid., p. 215.

⁴ Ibid., p. 376.

⁵ Boas, Tsim. Mythol., p. 231.

⁶ Boas, Kwak. Tales, p. 351.

ГЛАВА VIII

Бесправное положение рабов. Рабы были бесправными членами индейского общества; не пользуясь никакими правами, они находились в полном распоряжении хозяина. „Рабы во всех отношениях являлись собственностью, — свидетельствует Воас, — их владельцы могли их убивать, продавать или предоставлять им свободу“.¹ И то же свидетельствует Симпсон. „Эти несчастные были часто жертвами зверства, часто орудием ехидства и мстительности. Когда хозяин приказывал рабу умертвить кого-либо, он должен был это сделать; если же он отказывался или ему это не удавалось, он должен был за это расплатиться своей собственной жизнью“.² Sterns так пишет о племени кассей: „С рабами обращаются, как с собаками; на них смотрят как на собственность вне категории человека. Для господина убить дюжину рабов ничего не стоит; это только покажет его богатство и силу“.³ Соперничающие вожди стремились превзойти друг друга в количестве убитых на потлачах⁴ рабов. „Бить или не бить калгов или сколько их бить или отпустить на волю, об этом решают задолго до пирушки“, — сообщает Вениаминов.⁵ Со смертью вождя убивали рабов, чтобы они служили ему в загробном мире. Красочное описание этой церемонии дает Давыдов, который наблюдал ее у тлинкит. „Если у них умирает начальник, или богатый человек, — пишет он, — то для услужения ему на том свете выбирают несколько невольников, призывают их в собрание народа и заставляют плясать, сказав наперед, что их убьют. В них пускают излегка стрелы, или заставляют детей колоть копьями, а как жертвы ослабевают и не могут более плясать, то их

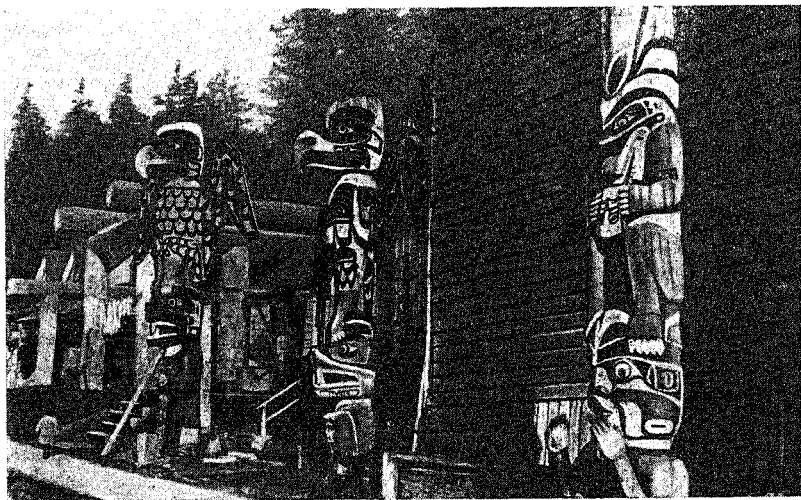
¹ Воас, Report, N.-W. Tribes, 1889, p. 832.

² Simpson, Narrative, p. 211.

³ Sterns, A Study of Primitive Money, p. 331.

⁴ Существовал специальный нож для закалывания рабов, на рукоятки которого изображался тотем владельца его. Такие ножи хранятся в коллекциях Музея Института этнографии Академии Наук СССР.

⁵ Вениаминов, Записки, ч. III, стр. 111.

Тотемные столбы около домов индейцев квакиютль в селении Алерт Бей.

докалывают¹.¹ Об обычае убивать рабов по смерти вождя у чинук пишет Strong.² Убивали рабов также при постройке нового дома, закапывая их трупы под столбами дома, а также при сооружении тотемных столбов. При вступлении во владение начальническим жезлом вожди убивали несколько... (1—4) рабов; позже установился обычай отпускать их на волю.³ Во время зимних празднеств, когда люди были разделены не по родам, а по тайным обществам, рабы служили пищей для членов главного общества, общества каннибалов. „Церемония каннибализма, — пишет Воас, — состояла в том, что раб убивался, раздирался на куски и съедался каннибалами“.⁴ Посвящение молодого каннибала происходило в лесу, откуда он должен был возвращаться в иступленном состоянии. Ему приготавливали раба, или же он сам съедал первого попавшегося. В легендах часты упоминания о каннибале, поедающем 2—3 рабов. Позже, с исчезновением рабства, каннибал кусал встречавшихся; ему приготавливали вместо мяса рабов вяленую мертвечину.

Убивали или раздавали рабов и при посвящении в другие общества. Эти обычаи убивать рабов кажутся весьма нецелесообразными при высокой цене на них и их значительном экономическом значении и являются, несомненно,

¹ Давыдов, Двукратное путешествие в Америку, ч. II, стр. 86.

² Strong, Wah-kee-nah, pp. 131—133.

³ Архим. Анатолий, В стране шаманов, стр. 32—35.

⁴ Воас, Soc. Org. Secr. Soc., p. 664.

пережитками тех времен, когда рабства еще не было, а пленники брались живыми лишь для того, чтобы убить их во время празднеств. Но и после того, когда пленники стали использоваться в качестве рабов, обычай убивать их не сразу исчез, но стали убивать „старых, хворых и малых“,¹ т. е. тех, которые ни к чему не пригодны, которых нельзя ни продать, ни подарить.² Позже жертва рабами все чаще и чаще стала заменяться разламыванием медных пластин большой ценности или дачей рабам свободы.

Как правило, рабы не могли иметь своей собственности. Они не могли также вступать в брак со свободными и женились на рабынях, точно так же как и рабыни могли быть женами рабов и только наложницами своих владельцев.

Это бесправное положение рабов прекрасно показано в двух легендах племени квакиютль о родах Elgunwe и Laxsa, имевших своими родоначальниками рабов.³ В этих легендах рассказывается история этих родов, и история одного из них настолько переплетена с историей другого, что по существу две легенды можно считать за одну. Основное содержание их таково: LloLlotsa был неразумным бедняком и всю жизнь работал на одного вождя по имени o'maxtlalaLe; он служил ему также своим магическим даром. Повздорил как-то LloLlotsa посещать поселок рода Lalaxsendayo и возвращался из него всегда на заре. Вождь этого рода имел красивую рабыню, с нею-то и проводил время LloLlotsa. Вскоре она родила сына, LloLlotsa—считал ее своею женою, однако люди не считали их брак законным, так как рабы не могли жениться подобно свободным, и их дети считались незаконнорожденными. Вождь Lalaxsendayo был опозорен и не знал, какие дать имена ребенку и его отцу.

По обычаям племени квакиютль, сохранившимся еще со времен материнского рода, род матери должен дать имя ребенку и отцу его; эта обязанность лежала на отце матери, т. е. на тесте. В этом рассказе владелец рабыни должен давать имена не только ее детям, но и ее мужу. Он выступает как pater familia, составной частью которой являются рабы, и по отношению к мужу рабыни на нем лежат обязанности тестя, главной из которых является дача имен детям зятя и самому зятю. Трудность этой обязанности, что особенно подчеркивает рассказ, заключалась в том, что рабовладелец должен был выдумывать имена, потому что рабы не были членами его рода и не имели права получать и носить родовые имена. Lalaxsendayo дал вымышленные имена LloLlotsa и его сыну, LloLlotsa остался в его доме. Вскоре у него родился второй сын, и вождь должен был придумать

¹ Вениаминов, Записки, ч. III, стр. 111.

² Литке, Путешествие, стр. 151.

³ Voas, Kwak. Ethnol., pp. 1093—1117.

Надгробный памятник одному из вождей квакиютль. Алерт Бей. 1930 г.
(Фото автора.)

имя и для этого ребенка. Потом родилась у него дочь, и для нее вождь Lalaxsendayo придумал имя, которое означало, что она будет обрабатывать для него шкуры зверей. Имя своей рабыни, матери этих детей, он также сменил и обращался с нею как с дочерью, потому что вся ее семья и муж и дети работали на него.

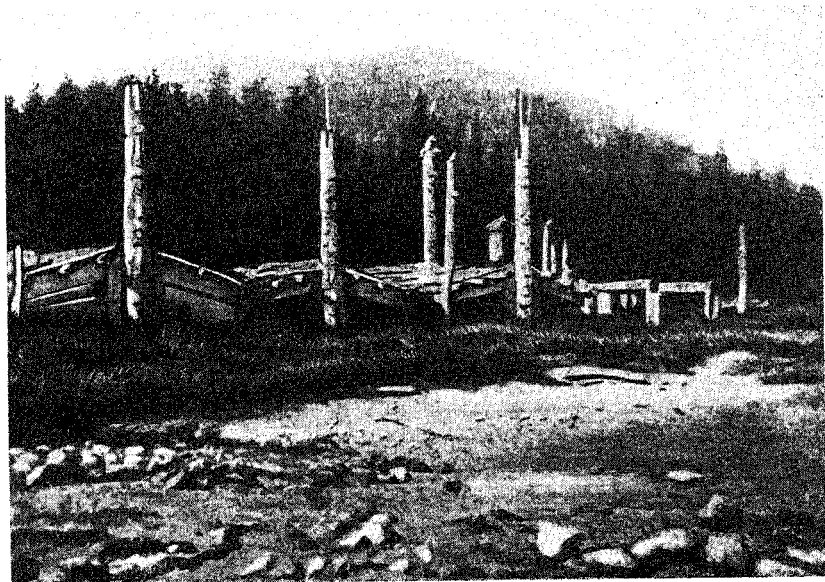
Когда дети выросли, старший сын оказался весьма способным. Он ухитрился накопить некоторое имущество и устроил потлач, пригласив на него соседние роды и фратрии. Среди гостей присутствовал и старый хозяин L!oL!otsa, которого он дал в рабы Lalaxsendayo, образовал со своими детьми сильную семью. Lalaxsendayo объявил на потлаче, что L!oL!otsa с семьей образует теперь самостоятельный род и что имя этого рода будет Elgunwe. Старший сын роздал подарки

гостям и выдумал себе новое имя. Он вообразил, что он теперь вождь, но люди не забывают предков, а его отец и мать были рабами; члены рода Elgunwe, таким образом, были рабами с обеих сторон.

Старший сын пытался жениться на дочери одного вождя, но этот последний высмеял его, обозвав рабом. Но дочь вождя любила его и ушла в дом L!oL!otsa. Она стала законною женою сына последнего и вскоре родила дочь, а затем сына. Lalaxsehdayo выдумывал для них имена. Дочь L!oL!otsa стала любовницей одного из вождей рода Naayalik'ane. Узнав, что она беременна, старший брат выгнал ее; она ушла со своим возлюбленным и поселилась в лесу. У них родился сын, и отец придумал ему имя; затем родилась дочь, которой также дали вымышленное имя. Так было положено начало роду Laxsa. Однажды к ним приехал его брат, по имени Махуялисеме. Он не узнал своего брата и поселился у него, женившись на его дочери. Вскоре у Махуялисеме родился сын, которого он назвал настоящим родовым именем своего рода. Когда сын немного подрос, он захотел поехать в дом своего отца вместе с женой, ребенком, тестем и тещей. Они приехали и отец Махуялисеме спросил его, откуда его тесть и как его имя, на что тот ответил, что он не знает. Тогда вождь собрал в свой дом всех родичей и, когда все уселись вокруг огня и тесть с тещей были среди них, вождь обратился к тестю с просьбой сообщить им, откуда он приехал и как его зовут. Тесть поднялся и сказал: „Видимо Махуялисеме не узнал меня, я Tslagilaku—младший из твоих сыновей“. Когда он кончил говорить, его отец был уже мертв. Он умер от позора, который принес ему старший сын, женившись на простой девке—дочери своего младшего брата. Tslagilaku вернулся домой со своей семьей, дочерью и внуком, который носил настоящее родовое, а не вымышленное имя. Он был рад, что провел своего брата и получил от него настоящее родовое имя. Это был единственный случай, когда потомки Laxsa получили настоящее родовое имя; все же другие имена были вымышлены. Люди стыдились говорить об этом роде, потому что он имел своей родоначальницей рабыню. Никто не вступал с ним в брачные связи. Такова же была судьба потомков рода Elgunwe. Сын Tslagilaku женился на дочери брата своей матери в роде Elgunwe. Этим установились брачные связи между двумя родами. Содержание этого рассказа довольно полно обрисовывает положение рабов у племени квакиютль, которое характерно и для других племен побережья.

Семьи рабов жили в доме хозяина, помещаясь у входа в дом, т. е. в самом холодном месте. В одной из легенд цимшиян упоминаются муж и жена—рабы, живущие в его доме.¹

¹ Boas, Tsim. Mythol., p. 229.

Индийское селение.

Дома индейцев северо-западного побережья имеют два ряда широких платформ, идущих вдоль стен. На верхних устроены спальни членов семей, населяющих дом, а нижние служат днем для сидения, ночью же для сна рабов. Разросшиеся семьи рабов поселяются в хижинах, устраиваемых за домами их владельцев. В одной легенде цимшиян даже одна рабыня с дочкой живет в маленькой хижине за домом своего господина.¹ Е. Gunther сообщает, что у клалам существуют отдельные части деревень с группой бедных шалашей рабов. Там селились семьи рабов, которые слишком разрастались, чтобы жить в доме хозяина. „Шалаша были очень маленькими и бедно сделанными. Шалаша располагались так, чтобы защитить собою, в случае нападения, дома своих господ. Одним из развлечений молодежи высшего класса было притти ночью с шестами и поднять крышу такого домика“.²

Раб никогда не ел вместе с хозяином. Индейцы бросали пищу своим рабам, как собакам. „Иногда они не ели ничего в течение 2—3 дней“, — пишет Strong.³ Рабы наследовались на ряду с другим состоянием. У северных племен, тлинкит,

¹ Ibid., p. 259.

² E. Gunther, Klallam Ethnol., p. 184.

³ Strong, Wah-kee-nah, p. 133.

хайда и цимшиян, они переходили от дяди к племяннику, т. е. сыну сестры, а у южных—от отца к сыну.

Клеймение рабов. Некоторые указания дают возможность предполагать наличие обычая клеймить рабов. „Назначенному в плен,—сообщает Вениаминов—делали кровавое пятно на лице и на лбу, а кого хотели убить, у того отрезывали которое-нибудь ухо или другую какую-нибудь часть тела“.¹ В одной из легенд квакиютль „О Тяжести на полу“ раб узнан по шраму на ноге. Как нанесен был этот шрам—неизвестно. Существовала также определенная система наказания рабов, на которую опиралась система внеэкономического принуждения раба. Самым большим преступлением раба считался побег, ибо он наносил наибольший экономический ущерб хозяину. Побег эти были довольно частым явлением, на что указывает и существование в языке квакиютль специального термина для сбежавшего раба—*klewuns*. Этот термин совершенно специален и отличен от термина *qlaku*—„раб“; в основе его лежит корень *klex* с глагольным значением „бежать“. Термин *klewuns* значит не только „сбежавший раб“, но выступает также в значении „приобретенный, благодаря бегству“, что свидетельствует о частых случаях присвоения сбежавших рабов лицами, поймавшими их, и тогда раб обозначался *klewuns*. *Sproat* указывает, что лицо, поймавшее чужого раба, старается его поскорее продать,² по вполне естественным причинам, чтобы его не отнял у него настоящий хозяин.

Наказание рабов. У тлинкит, по свидетельству Вениаминова, существовала определенная градация наказаний по числу побегов, совершенных тем или иным рабом. „За первый побег,—пишет он,—наказывали телесно, т. е. били чем попало; за второй—скручивали руки за спиной и держали в таком положении несколько времени; а за третий—резали у ног икры (этим путем, вероятнее всего, и был получен шрам у раба по имени «Тяжесть на полу» в упоминаемой выше легенде.—*Ю. А.*), за четвертый казнили смертью“.³ Наказания за первый побег, казалось бы, не были слишком жестоки; это объясняется исключительно желанием не нарушать сильно и надолго работоспособность раба. С другой стороны, однако, и бить можно по-разному. В легенде цимшиян, напр., описывается случай, когда хайда побил своего раба из племени цимшиян до полусмерти.⁴

Далее следуют наказания за воровство: „За первое воровство,—свидетельствует Вениаминов,—наказывали телесно; за второе—отрезали несколько пальцев у правой руки; за третье—

¹ Вениаминов, Записки, ч. III, стр. 105.

² *Sproat, Scenes and Studies*, p. 91.

³ Вениаминов, Записки, ч. III, стр. 170.

⁴ *Voas, Tsim. Mythol.*, p. 384.

несколько пальцев у левой руки или отрезали губы; за четвертое — казнили¹.

И в фольклоре племен побережья мы встречаем также частые упоминания о телесных наказаниях рабов. В легенде квакиютль о лососе раб последнего плачет из боязни наказания за сломанные клинья. В легенде хайда вождь побил своего раба за донос об измене его жены.² В одной из легенд тлинкит сбегавшему мальчику сняли голову.³ За убийство, совершенное рабом, по свидетельству Swan об индейцах мыса Фляттери, ему грозит смерть.⁴ А „за то, что рабыня ругалась с владельцем, он ее убил“.⁵ Все эти расправы с рабами хозяин учинял сам. Мы имеем указания в легендах на выделение из среды рабов старшего, „главного раба“; но чтобы им поручалась палаческая миссия на это нет ни малейших намеков. Вероятно, обязанностью главных рабов был надзор за другими рабами. „Труд главного надзора, — читаем мы у К. Маркса, — необходимо возникает при всех способах производства, основанных на противоположности между рабочим, как непосредственным производителем, и собственником средств производства. Чем больше эта противоположность, тем больше роль этого верховного надзора за рабочим. Поэтому своего максимума она достигает в системе рабства“.⁶ Главный раб у индейцев побережья находился всегда при хозяине, он сопровождал его, говорил от имени его, отправлялся с другими рабами на выполнение поручений господина. Правда, роль специального надзора здесь значительно слабее, чем, напр., в Греции и Риме, потому что рабовладельцы еще трудятся вместе с рабами. Лишь с превращением рабов в основной производящий класс увеличивается и роль специального надзора.

Применялись средства и идеологического воздействия на рабов. Так, Niblack рассказывает, что в поселке Howkan в одном доме можно увидеть пару больших деревянных изображений, представляющих каждый медведя с человеческим лицом и с настоящими человеческими волосами на голове. Эти изображения были сделаны для устрашения рабов, так как они должны были им постоянно напоминать, что в случае попытки бежать рабы превратятся в подобных существ, у которых нижняя часть тела медвежья, а верхняя — человеческая.⁷

По свидетельству исследователей, рабам иногда предоставляли свободу, правда, весьма редко. „Существовали сред-

¹ Вениаминов, там же.

² Swanton, Haida Texts, p. 72.

³ Swanton, Tling. Myths, p. 73.

⁴ Swan, Indians of Cape Flattery, p. 54.

⁵ Swanton, Haida Texts, p. 152.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIX, ч. I, стр. 417.

⁷ Niblack, Indians South Alaska, p. 252.

ства, которых я не знаю, при помощи которых человек, недавно попавший в рабство, мог освободиться; но это случалось редко,—пишет Sproat о нутка,—и я не встретил ни одного случая, чтобы человек, родившийся в рабстве, получил свободу. Однако рассказывали о великом вожде Ts'osiatiin племени kowitchan, который время от времени освобождал нескольких рабов, чтобы показать свое великодушие. Мне кажется, что туземец хорошего происхождения, попавший в рабство, мог быть выкуплен родственниками за высокую цену. Однако этот институт, на ряду с другими, был сильно поколеблен цивилизацией¹.

В отношении тлинкит Вениаминов сообщает, что господин всегда имеет право отпустить калгов (рабов) на волю. Но вообще отпускаются они редко, только при следующих случаях: 1) при поминках, 2) при больших пирушках, 3) при пирушках за детей, 4) при выходе девицы из затворничества. „Калга, одевавший хозяина в заветный наряд, отпускается на волю. Калга, одевавшая невесту, также отпускается на волю“.² Krause сообщает, что рабыня, одевавшая девушку по окончании периода затворничества, получала свободу. Раб, скрывшийся во время сожжения трупа своего господина, считался свободным,—сообщает тот же автор.³ „На пирушках за детей калгов не бьют, но отпускают на волю по числу детей, за коих делается пирушка“.⁴ Под детской пирушкой Вениаминов имеет в виду потлач, на котором родители раздавали имущество во имя своих детей. „Тлинкиты и другие племена северо-западного побережья,—пишет Henshaw,—не только освобождали своих рабов, но делали их членами племени. Вольноотпущенный пользовался правами свободного и причислялся к тому роду, к которому принадлежала его мать по рождению, или как рабыня. Причисление к тому же роду по рождению означало, что она в своем племени принадлежала к одноименной фратрии или роду с фратрией и родом племени, у которого она была в рабстве“.⁵ Рабы отличались бедным одеянием. Они носили накидки из лыка. В одной из легенд хайда рабыни дочери вождя одеты в лыковые накидки; в другой легенде „раб надел свои две лыковые накидки“.⁶ „Сверхъестественный раб“ появлялся также в лыковых накидках.⁷ Эти накидки особо пахнут; по запаху, в легенде хайда, раб вождя узнает накидки рабынь дочери вождя.⁸

¹ Sproat, Scenes and Studies, p. 91. Об этом же свидетельствует Olson (The Quinault Indians, p. 97).

² Вениаминов, Записки, ч. III, стр. 92, 11, 105.

³ Krause, Tling. Ind., pp. 218, 227.

⁴ Вениаминов, Записки, ч. III, стр. 107.

⁵ Henshaw, Slavery, p. 599.

⁶ Swanton, Haida Texts, p. 153.

⁷ Ibid., p. 375.

⁸ Ibid., p. 154.

Рабы были обязаны носить короткие волосы в отличие от длинных волос у свободных. В легендах цимшиян приводится весьма характерный в этом отношении случай, когда девушка заставляет своего возлюбленного обрезать волосы, а потом жестоко смеется над ним и заявляет, что она не хочет выходить замуж за такого уроды, который обрезаю свои волосы, как раб.¹ Рабам нутка, квакиютль и чинук не разрешалось уплощать головы.

Рабыни тлинкит, цимшиян и хайда не имели права носить втулки в нижних губах, которые носили женщины этих племен как признак богатства и хорошего происхождения. Женщины-рабыни, кроме всего прочего, играли роль наложниц. Jewitt пишет, что рабыни работают на ряду со свободными женщинами. „Разница заключалась лишь в том, что эти бедные создания рассматривались доступными кому угодно“.² Дети от сожительства вождей с рабынями считались полурабами, полусвободными; „они носили печать рабства в течение нескольких поколений“, — пишет Swan.³ Индейцы квинаульт, по указанию Olson, имели особые термины для обозначения людей, в жилах которых текла какая-то частица рабской крови. Человек, среди предков которого был один раб, обозначался *skwättsoms sädjuke* или полураб. Словом *skwä tsäs*, значившим в буквальном переводе: одноглазый, полуслепой, обозначался человек с частицей рабской крови в жилах. Термины *gwaits* или *eskutsas* означали — частичный раб. С приходом белых на побережье появилась новая практика использования рабынь в качестве проституток среди рыболовов-европейцев.

¹ Boas, Tsim. Mythol., p. 187.

² Jewitt, Narrative, p. 73.

³ Swan, Indians of Cape Flattery, p. 11.

ГЛАВА IX

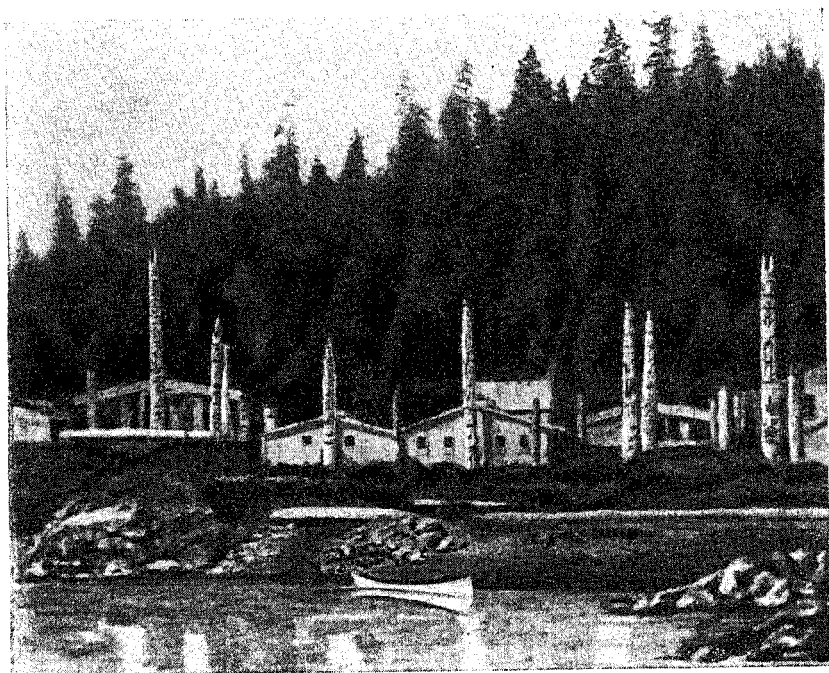
Отражение рабства в идеологии. Данные фольклора подтверждают наше предположение, что рабство на северо-западном побережье существовало с довольно ранних пор. Мы имеем целый ряд легенд, действующими лицами в которых, наряду со свободными, являются рабы; последние упоминаются в качестве ценного имущества. Особенно характерна одна из легенд квакиютль, главным героем которой является раб; легенда озаглавлена по имени раба — „Тяжесть на полу“. Краткое содержание ее таково: раб вождя племени квакиютль, по имени „Тяжесть на полу“, бросил сына вождя акуле. За это вождь убивает раба. Последний при помощи чудодейственных сил попадает ночью в царство акул. Вождь акул болен от стрел, нанесенных ему „Тяжестью на полу“. Последний вытаскивает свои стрелы из тела вождя акул и тем излечивает его. Акулы сделали его за это молодым, дали ему дом и дочь вождя. Дом этот сверхъестественной силой переносится в деревню хозяина „Тяжести на полу“. Но раба никто не узнает, все его считают вождем. Случайно хозяин открывает его шрам на ноге (о происхождении которого говорилось выше). Дом исчезает, и „Тяжесть на полу“ снова становится рабом.¹

Мораль этой легенды очевидна: рабу — рабская участь; он не может избавиться от нее даже при помощи магической силы. Достаточно хозяину раба узнать его, как все магические чары были нарушены. Рабов имеют также различные мифические существа. Рабами сверхъестественного существа, живущего у подножия горы, была треска; „рабы собирали дикие яблоки для его жены“. ² И животный мир разделен на свободных и рабов. Ворон — главный герой мифологии племен побережья, творец всего существующего и предок людей — „имел двух рабов“; поэтому-то, заключает одна из легенд, индейцы и имеют рабов.³ В легендах хайда касатка тоже

¹ Boas, Kwak. Texts, pp. 358—361.

² Boas, Tsim, Mythol., p. 187.

³ Swanton, Tlingit Myths, p. 118.

Одно из индейских селений на о-вах королевы Шарлотты.

имеет рабов; одного зовут ворон, другого — ворона.¹ Чайки изображаются в качестве рабов птицы тупик, он им приказывает расчесать волосы женщины.²

В одной из легенд цимшиян изображается силач по имени Грязный; он лежит на спине и держит на своей груди столб, поддерживающий мир. Рабу своему он сказал: „ты всегда будешь жить со мной и натирать раз в год мою спину жиром дикой утки“. Грязный до сих пор держит мир на своей груди, и раб его с ним. Жир дикой утки почти кончился, а как только умрет Грязный, миру настанет конец.³ Следовательно, по идее этой легенды, рабство существовало уже тогда, когда мир еще устанавливался. Солнце также имеет рабов, сын солнца спрашивает раба — все ли спят в доме отца.⁴

„Скат был рабом сверхъестественного существа воды, которое жило под скалами. Оно разбудило всех своих рабов и приказало принести к себе лодку“.⁵ Упоминаются также

¹ Swanton, Haida Texts, p. 339.

² Swanton, Tlingit Myths, p. 57.

³ Boas, Tsim. Mythol., p. 121.

⁴ Ibid., p. 114.

⁵ Boas, Tlingit. Myths, p. 51.

рабы маски. В легенде квакиютль говорится о маске утреннего неба и о маске раба утреннего неба.¹ В легенде того же племени о главном зимнем танцоре говорится о маске головы быка, которая является рабом маски морского чудовища.²

Мы считаем, что вышеприведенных примеров вполне достаточно, чтобы показать, насколько сильно отразилось рабство в идеологии индейцев побережья. В их представлениях весь окружающий мир животных и духов находится в рабских отношениях друг к другу.

Тело мертвого раба не погребали, как свободного, а бросали в море, потому что существовало поверие, что иначе владелец раба никогда не приобретет состояние.³

Одним из наиболее частых резных изображений на столбах домов и на тотемных столбах, согласно сообщению Воас, является изображение раба вождя. Люди представляют рабов своих предков, говорящих с народом, так как сам вождь с простым народом не разговаривал, особенно во время празднеств.

Воас сообщает, что у белла-кула число рабов, убитых при погребении знатного индейца, символизировалось количеством человеческих фигур, изображаемых на мемориальном столбе, воздвигаемом на могиле умершего.⁴ У тлинкит, сообщает Waterman, — раба, отпущенного в связи с сооружением тотемного столба, изображали резьбой на этом столбе.⁵

¹ Voas, Kwak. Texts, p. 226.

² Ibid., p. 210.

³ Swanton, Haida Texts, p. 54.

⁴ Voas, Kwak. Indians, p. 209.

⁵ Waterman, Ancient Monuments of Alaska, p. 128.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таковы в основном главные черты рабства, существовавшего у племен северо-западного побережья Северной Америки. Оно возникло здесь на основе рыболовного хозяйства, тогда как большинство случаев рабства, изучавшихся до сих пор, возникали в условиях скотоводства и земледелия. Оно существовало здесь в условиях родового строя, но уже на стадии его разложения, когда существовала частная собственность на движимое имущество, накопление которой усиливало семью и противопоставляло ее роду— „отдельная семья сделалась силой, и притом грозной силой противостоящей роду“. ¹ Наследование по отцовской линии завоевывало все большие и большие права. Вместе с наследованием имущества отца все чаще наследовалось и общественное его положение. Родовой принцип избрания вождей уступал место принципу имущественному, принципу наследования в пределах определенных семей; это положило начало зарождению родового дворянства. Наличие торговли и института потлачей усиливало имущественное неравенство и разрушало еще более устой рода. „На ряду с разделением на свободных и рабов появляется различие между богатыми и бедными“. ²

В недрах этого общества рабство существовало как особый уклад. Оно не было еще господствующим способом производства, так как рабы не являлись основным производящим классом. Свободное население и сами рабовладельцы трудились вместе с рабами. Рабы здесь были еще „простыми помощниками“. ³

Но рабство здесь носило уже наследственный характер; раб навсегда оставался рабом. Рабы находились в совершенной изоляции от социальной жизни племени. Раб переставал быть человеком и его продавали, покупали и дарили как вещь; хозяин имел право жизни и смерти над ним. Перед потлачами и празднествами рабы не знали, кто из них оста-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 138.

² Там же, стр. 139.

³ Там же.

нется живым по окончании торжеств. И даже после смерти раб должен был служить своему господину. Все эти факты свидетельствуют о том, что на северо-западном побережье Северной Америки имел место довольно развитый институт рабства.

Наследственный характер его предполагает продолжительный период его существования. Henshaw, дающий обзор рабства в Америке, заключает, что на северо-западном побережье оно существовало настолько продолжительное время, что „материально модифицировало обычаи, институты... и было причиной возникновения понятия ранга и каст“.¹ „Понятия ранга и каст“ мы считаем привнесенными самими авторами в условия северо-западного побережья, так как нет никаких фактов, указывающих на действительное существование их здесь. Несомненно, что рабство было решающим фактором в развитии общества по пути его классового расслоения и уничтожения остатков родового строя. Его влияние сказалось не только в области социальных отношений; оно нашло свое яркое отражение и в религии, и в искусстве, и в мифологии индейцев.

От античного и плантационного рабства рабство индейцев северо-западного побережья отличается его ролью в производстве. Определяющим моментом в этом отношении является характер производства, в котором используются рабы при патриархальной и античной системах. Как мы уже видели, в „Капитале“ К. Маркс определяет патриархальную систему рабства как систему, рассчитанную на производство непосредственных средств существования.² Тогда как при античной системе „С разделением производства на две крупные основные отрасли, земледелие и ремесло, возникает производство непосредственно для обмена, товарное производство, а вместе с ним и торговля не только внутри племени и на его границах, но уже и заморская“.³ Рабы при этой системе, указывает Энгельс, „перестают быть простыми помощниками; десятками их гонят теперь работать на поля и в мастерские“.⁴ Имея в виду эти совершенно ясные определения рабства, нам нетрудно определить характер рабства у индейцев северо-запада Америки. Мы видим, что здесь, несмотря на наследственный уже характер рабства, продукт, производимый рабами на ряду со свободными, идет в основном на собственное потребление и лишь сравнительно небольшая часть его поступает на межплеменной рынок.

Здесь производство не имеет своей целью производство товаров, и лишь небольшая часть произведенного продукта

¹ Henshaw, Slavery, p. 598.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIX, ч. I, стр. 360.

³ Там же, стр. 139.

⁴ Там же.

Лодка квакиютль. Форт Руперт. (Фото автора.)

становится товаром. Но даже и этот факт указывает на то, что мы имеем здесь развитые формы патриархального рабства, возможно последнюю переходную его ступень к рабовладельческому способу производства, при котором рабы являются основным производящим классом, создающим в основном товары. Выше мы уже указывали, что на северо-западном побережье существовали уже некоторые тенденции в сторону развития рабовладельческого способа производства.

У Маркса и Энгельса часто встречается выражение „домашнее рабство“, которое так же, как и патриархальное рабство, противопоставляется античному рабству. Напр. говоря о германцах, Энгельс пишет, что они „не довели у себя рабства до его высшего развития, не превратив его ни в античное трудовое рабство, ни в восточное домашнее рабство“.¹ В другом месте Энгельс пишет о Греции и Риме, что здесь рабство было господствующей формой производства, и дает следующее определение домашнего рабства: „иное дело домаш-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 133.

нее рабство на Востоке; здесь оно не образует прямым образом основы производства, а является косвенным образом составной частью семьи, переходя в нее незаметным образом (рабыни гарема).¹ Следовательно, характерные черты домашнего рабства состоят в том, что, во-первых, оно не образует основы производства и, во-вторых, рабы являются составной частью семьи. Говоря о семье в этой связи, Энгельс имеет в виду патриархальную семью, которую он характеризует как организацию „некоторого числа свободных и несвободных лиц в семью, подчиненную отцовской власти главы семьи.... Существенным является включение в состав семьи несвободных и отцовская власть, поэтому законченным типом этой формы семьи служит римская семья“.² Последняя обозначалась, как известно, термином *familia*, в отношении которого Энгельс пишет, что первоначально он относится „только к рабам. *Famulus* значит домашний раб“.³ Этим последним указанием Энгельс отмечает, что домашнее рабство было не только на Востоке, но и в Риме.

Следовательно, домашние рабы—это рабы, включавшиеся в состав семьи рабовладельца и не являвшиеся основными производителями. Но эти же моменты являются характерными и для патриархального рабства, которое также не составляет основы производства. Факт включения рабов в состав семьи рабовладельцев также является одной из характерных черт патриархального рабства. Из практики северо-западного побережья нам известно, что особые хижины отводились рабам лишь в случаях их многочисленности; обычно же рабы жили в доме своего господина. Приведу здесь весьма характерное в этом отношении место из одной легенды племени квакиютль. Хозяин дома следующим образом рекомендует приехавшему к нему гостю, жениху дочери: „Я Нех'hakin, это моя дочь Gaastalas, а это ее мать Нек'inedzemga, а это мои рабы“.⁴ Здесь показателен факт, что рабы представляются на ряду со свободными членами семьи; они не только живут в доме своего господина, но являются и составной частью семьи. Таким образом мы видим, что домашнее рабство в учении Маркса и Энгельса не является особой системой рабства, отличной от патриархального рабства.

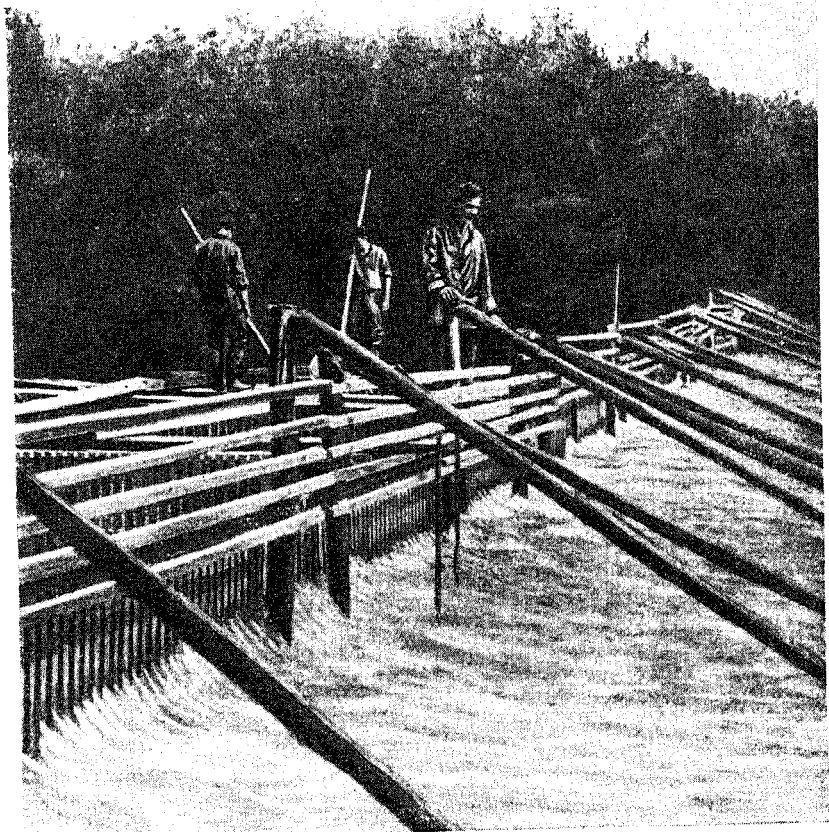
В вопросе оценки рабства у индейцев McLeod занимает совершенно особое место. Он является автором нескольких статей по рабству в Северной Америке и для нас он интересен в том отношении, что он оперирует в основ-

¹ Там же, стр. 451.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 41.

³ Там же, стр. 41.

⁴ Boas, Kwak. Ethnol., p. 839.

Запруда современного типа на лососей.

ном материалом северо-западного побережья Северной Америки.

Его первая работа „Debtor and Chattel Slavery in North America“, появившаяся в виде небольшой статьи,¹ по указанию самого автора, представляет собою результат изучения распространения рабства в Северной Америке. Свой обзор он начинает с кабального рабства, так как считает его самым распространенным по Северной Америке институтом. В основном он приводит факты проигрывания индейцами самих себя и членов своей семьи в азартной игре. Очевидно, мы имеем здесь дело с особым специфическим явлением, для трактовки которого материал автора совершенно недостаточен, ибо он не разбирает экономической структуры

¹ American Anthropologist. N. S., v. 27, 1925.

обществ, в которых это явление наблюдается. Военное рабство он находит только на северо-западном побережье, и очень коротко на нем останавливается, приводя сведения Simpson, Iewitt, Sproat и других ранних наблюдателей, о количестве рабов, о работорговле и о наследственном характере рабства. Его дальнейшие статьи „Economic aspect of Indigenous American Slavery“, ¹ „Origin of Servil Labor Croups“ ² также построены на материале северо-западного побережья. Все его статьи, весьма незначительные по объему, представляют собою эмпирическую сводку некоторых сведений ранних наблюдателей о рабстве у племен этого района, при этом отдельные данные не увязаны между собою в целях создания единой картины системы рабства.

Оценки характера рабства автор не дает, но имеет склонность отождествлять его с плантационным рабством, как это очевидно из следующего его высказывания: „Данные о цене, связанные с процентом рабов ко всему населению, ясно показывают, что рабство для племен северо-западного побережья имело почти такое же экономическое значение, как рабство для плантационных районов США перед гражданской войной“. ³ С таким сопоставлением, конечно, согласиться нельзя; автор сравнивает две формации, не имеющие никаких параллелей между собой. Эта ошибка автора совершенно не случайна; она обща всей буржуазной науке, пытающейся доказать изначальность всех категорий капиталистического общества.

Вторым крупным недостатком построений McLeod является его концепция о диффузии наследственного рабства на северо-западное побережье Северной Америки из Азии. В доказательство этого положения он приводит факт якобы сходства методов убивания медведя на медвежьем празднике у айну и рабов на празднествах тлинкит. Если бы даже допустить наличие такого сходства, то оно могло быть самобытным, и к тому же азиатское происхождение айну пока стоит под вопросом. Других доказательств в пользу диффузии автор не приводит и вряд ли они могут быть вообще. Естественно возникает вопрос—каким образом могло произойти это заимствование и когда оно произошло. Очевидно, диффузия допустима лишь в связи с гипотезой о переселении американских индейцев из Азии, но в период, когда предполагается это переселение, рабство еще не могло существовать. А поз-же оно не могло быть заимствовано, в виду отсутствия связей между двумя материками. Вообще к вопросу заимствования социальных институтов необходимо подходить более

¹ American Anthropologist, N. S., v. 30, 1928.

² Ibid., vol. 31, 1929.

³ American Anthropologist, vol. 30, p. 649.

Современное индейское селение.

Индианки, работающие вместе с китайками на рыбоконсервной фабрике в Алерт Бей. 1929 г.

осторожно, чем это сделал автор, потому что такого рода заимствования весьма редки в истории.

Благодаря вторжению европейско-американских колонизаторов, основы рабства у племен побережья были подорваны. Прекратились войны и вследствие этого отпал главный источник рабства. Все рыболовные, охотничьи и другие угодия были отобраны и перешли в пользование частных компаний. Больше того, в отношении севера побережья мы имеем сведения, что и сами рабы у населения были отобраны и взяты в рабство к белым. С приходом первых русских на побережье много рабов перебежали в их лагеря в надежде найти здесь лучшую участь. „Тогда сих людей, — пишет Давыдов — употребляли на убийство подозрительных островитян; они же отправляли с русскими все работы. Промышленникам, посылаемым ловить клепцами лисиц, позволялось нанимать их вместо себя, что почти каждый и делал, ибо это стоило небольшое число листов табаку“.¹ Вначале получалась двойная система эксплуатации: промышленников эксплуатировала компания, а сами промышленники эксплуатировали рабов. Вместо лучшей участи, рабы оказались под двойным гнетом русского капитала. Позже, когда русские укрепились на побережье, то „все невольники были отобраны у островитян для работ компании, и название калга было заменено камчатским словом каюра, означавшим наемного работника. Потом, когда число каюр от работ и разных несчастных случаев поуменьшилось, стали набирать каюр из островитян за

¹ Давыдов, Двукратное путешествие, ч. II, стр. 114.

некоторые проступки, и, разумеется, что с того времени число преступников на Кадьяке должно было увеличиться. Дети одних только начальников исключаются из сего числа".¹ Так откровенно описывает процесс „ликвидации“ рабства, вернее — порабощения всего населения русскими у алеутов один из русских путешественников — Давыдов.

Нет основания предполагать, что этот процесс был иным в отношении тлинкит, да и вообще в отношении всего побережья. Одним из пунктов договоров, заключавшихся между жителями Аляски и правительством США в конце XIX столетия, последнее выставляло уничтожение рабства путем запрещения набегов и работорговли.

Правительство США лицемерно прониклось якобы чувством человеколюбия к рабам, держа в то же самое время у себя миллионные массы негров в худшем рабстве плантационного капиталистического хозяйства и признавая его как государственный институт.

Рабство исчезло к концу XIX столетия. Уже ко времени экспедиции Krause к тлинкитам в 80-х годах ввоз рабов был прекращен, и рабство почти исчезло.² Во время нашего пребывания на побережье в 1930 г. мы встречали лишь весьма слабые указания на существовавший некогда институт рабства. Но с исчезновением рабства индейцы северо-западного побережья не перешли на более высокую ступень развития. Европейская колонизация была разрушительным фактором всей культуры северо-западного побережья; за годы господства белых она деградировала вместе с вымиранием самих носителей ее.

В настоящее время все племена северо-западного побережья живут в так называемых резервациях, отведенных им колонизовавшими край британским и североамериканским правительствами. Последнему принадлежит Аляска, а остальная часть побережья до штата Вашингтон входит в состав Британской Колумбии, части доминиона Канады. Резервации — это небольшие участки земли, отведенные под поселок и включающие также небольшие водные и лесные угодья для пользования индейцев. Резервации здесь в основном совпадают с местами старых поселений индейцев, но значительно сокращены по размерам, а лучшие их рыбалки находятся в пользовании рыбоконсервных компаний. Резервации находятся под наблюдением специального представителя правительства, „агента“ на языке индейцев, который якобы является отцом индейцев, нуждающихся в опеке, подобно детям. Фактически же это один из непосредственных служителей капитала, помогающий закабалению и эксплуатации индейцев.

¹ Там же, стр. 115.

² Krause, Tlink. Ind., p. 367.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Анатолий, архим., В стране шаманов, Индиане Аляски. Одесса, 1906.
- Берх, Херн и Мякени, Путешествие по Северной Америке. СПб., 1808.
- Вениаминов, Записки об атхинских алеутах и колошах. Записки об островах Уналашкинского отдела, ч. III. СПб., 1840.
- Головин, Обзор русских колоний в Северной Америке. Морской сборник, № 1. Тверь, 1862.
- Давыдов Г., Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, чч. I и II. СПб., 1810—1812.
- Исторический очерк меховой торговли в Северной Америке. Сын отечества, т. X, 1839.
- История Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков), Краткий курс. Под редакцией комиссии ЦК ВКП(б). Одобрен ЦК ВКП(б).
- Крузенштерн И., Путешествие вокруг света в 1803—1806 гг. на кораблях „Надежда“ и „Нева“, тт. 1—3. СПб., 1809, 1810, 1812.
- Лазарев, Плавание вокруг света. СПб., 1834.
- Ленин В. И., О государстве. Сочинения, т. XXIV.
- Летурно Ч., Эволюция рабства. 1897.
- Лисянский Ю., Путешествие вокруг света. СПб., 1812.
- Литке Ф., Путешествие вокруг света на военном шлюпе „Сенявине“ в 1826—1829 гг., чч. I и II. СПб., 1834.
- Маркс К., К критике политической экономии. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XII, ч. I.
- Маркс К., Капитал, т. III, ч. I. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XIX, ч. I.
- Маркс К., Капитал, т. III, ч. II. Партиздат, 1938.
- Маркс К. и Энгельс Ф., Немецкая идеология. Сочинения, т. IV.
- Морган, Древнее общество. Изд. Института народов Севера, Л., 1934.
- Нибур И., Рабство как система хозяйства. М., 1907.
- Одераги или описание нравов и обычаев жителей Северной Америки. Изд. Академии Наук, СПб., 1803.
- Ратнер-Штернберг С. А., Музейные материалы по тлинкитам. Сборник МАЭ, т. VIII.
- Романов В., О коложах и колошах вообще. Северный архив, ч. XVII, СПб., 1825.
- Савич, Извлечение из отчета Фреймана. Записки Русского геогр. общ., кн. I и II, 1849.
- Тихменев П., Историческое обозрение образования Российско-американской компании, чч. I и II. СПб., 1861.
- Энгельс Ф., Антидюринг. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XIV.
- Энгельс Ф., Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. I.
- Adam L., Stammesorganisation und Häuptlingstum der Haida und Tsimshian. Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft, Stuttgart, Bd. 30, Heft I—II.
- Bancroft H., The Native Races of the Pacific States of North America, vol. I, London, 1875.
- Belcher, Narrative of the Voyage round the World. London, 1843.
- Boas F., Reports on the Northwestern Tribes of Canada in Reports of the British Association for the Advancement of Science for the Years: 1888, 1889, 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895, 1896, 1897, 1898.
- Boas F., The Development of the Culture of the Northwest America. Science, XII, New York, 1888.

- Boas F., *The Kwakiutl Indians*. Proc. U. S. National Museum, XI, Washington, 1888.
- Boas F., *On certain Songs and Dances of the Kwakiutl*. Journal of American Folklore, Boston—New York, 1888.
- Boas F., *Indianische Sagen von der Nord-Pacifischen Küste Americas*. Berlin, 1895.
- Boas F., *The Social Organisation and Secret Societies of the Kwakiutl Indians*, Report of the U. S. National Museum, Washington, 1895 (1897).
- Boas F., *The Decorative Art of the Indians of the North Pacific Coast*. Bulletin American Museum of Natural History, vol. IX, New York, 1897.
- Boas F., *The Mythology of the Bella Coola Indians*. Memoirs of American Museum of Natural History, vol. 2, part 2, New York, 1898.
- Boas F., *Tsimshian Texts*. Bulletin 27, Bureau of American Ethnology Washington, 1902.
- Boas F., *The Tribes of the North Pacific Coast*. Annual Archaeological Reports, Toronto, 1906.
- Boas F., *Kwakiutl Tales*. Columbia University Contributions to Anthropology, vol. 2, Leiden, 1910.
- Boas F., *Grammatical Notes on the Kwakiutl Language*. Handbook of American Indian Languages, Bulletin 40, Bureau of American Ethnology, part I, Washington, 1911.
- Boas F. *Tsimshian Mythology*. 31 Ann. Report Bureau of American Ethnology, Washington, 1916.
- Boas F. *Ethnology of the Kwakiutl Indians*. 35 Ann. Report Bureau of American Ethnology, Washington, 1921.
- Boas F. and Hunt G. *Kwakiutl Texts*. Memoirs American Museum of Natural History, vol. V, parts 1, 2, New York, 1902.
- Dall W., *Alaska and its Resources*. Boston, 1870.
- Dawson G., *Report on the Queen Charlotte Indians*. Montreal, 1880.
- Dawson G., *North America*, vol. 1.
- Drucker Ph., *Rank Wealth and Kinship in Northwest Coast Society*. American Anthropologist, vol. 41, No. 1, 1939.
- Emmons G., *The Basketry of the Tlingit*. Memoirs American Museum of Natural History, vol. 3, part 2, New York, 1903.
- Emmons G., *The Chilkat Blankets*. Memoirs of American Museum of Natural History, vol. 3, part 4, New York, 1907.
- Farrand L., *Basketry Designs of the Salish Indians*. Memoirs of American Museum of Natural History, vol. 2, part 5, New York, 1900.
- Garfield V., *Clan and Society among Tsimshian*, University of Washington Publications in Anthropology, vol. 7, No. 3, Seattle, 1939.
- Gatchet A., *The Klamath Indians of Southwestern Oregon*. Contributions to North American Ethnology, vol. 2, part 2, 1890.
- Goddard P., *Indians of the Northwest Coast*, American Museum of Natural History, Handbook Series, No. 10, New York, 1924.
- Grinnell G., *The Story of an Indian*. New York, 1904.
- Gunther E., *Klallam Ethnography*. University of Washington Publications in Anthropology, vol. I, No. 5, Seattle, 1927.
- Haeberlin H. and Gunther E., *The Indians of Puget Sound*. University of Washington Publications in Anthropology, vol. 4, No. 1, Seattle, 1930.
- Henshaw H., *Slavery*. Handbook of American Indians. Bulletin 30, Bureau of American Ethnology, Washington, 1910.
- Halliday, *Potlatch and Totem*. Recollections of an Indian Agent. London, 1935.
- Holmberg H., *Ethnographische Skizzen*. Helsingfors, 1855.
- Jenness, *Indians of Canada*. Ottawa, 1932.
- Jewitt J., *A Narrative of the Adventures and Sufferings of John Jewitt*. Middletown, 1815.
- Kotzebue O., *A New Voyage round the World, 1823—1826*, vol. 1—2, London, 1830.

- Krause A., Die Tlinkit Indianer. Jena, 1885.
- McLean, The Indians of Canada, their Manners and Customs. 1892.
- McLeod W., Debtor and Chattel Slavery in North America. American Anthropologist, N. S., vol. 27, 1925.
- McLeod W., Some Social Aspects of Primitive Chattel Slavery. Journal de la Société des Américanistes de Paris, 1927.
- McLeod W., Economic Aspect of Indigenous American Slavery. American Anthropologist, N. S., vol. 30, 1928.
- McLeod W., Origin of Servile Labor Groups. American Anthropologist, N. S., vol. 31, 1929.
- Murdock G., Kinship and Social Behavior among the Haida. American Anthropologist, vol. 36, 1934.
- Murdock G., Rank and Potlatch among the Haida. Yale University Publications in Anthropology, New Haven, No. 13, 1936.
- Niblack E., The Coast Indians of Southern Alaska and Northern British Columbia. Annual Report of the Board of Regents, Smithsonian Institution, Washington, 1890.
- Olson R., Quinault Indians. University of Washington Publications in Anthropology, vol. 6, No. 1, Seattle, 1936.
- Olson R., Social Organisation of the Haisla of British Columbia. Anthropological Records, University of California Press, vol. 2, No. 5, 1940.
- Petroff I., Report on the Population, Industries and Resources of Alaska. Tenth Census of the U. S., 1880, vol. VIII, Washington, 1884.
- Simpson G., Narrative of a Journey round the World during the Years 1841—1842. London, 1847.
- Shabelsky A., Voyage aux colonies russes de l'Amérique. St. Pétersbourg, 1826.
- Spier L. and Sapir E., Wishram Ethnography. University of Washington Publications in Anthropology, vol. 3, No. 3, Seattle, 1930.
- Sproat, Scenes and Studies of Savage Life. London, 1868.
- Stern B., Lummi Indians. Columbia University Press, New York, 1934.
- Sterns R., A Study of Primitive Money. Report of the U. S. National Museum, Washington, 1887.
- Strong G., Wah-kee-nah and her People, the Curious Customs, Traditions, and Legends of the North American Indians. New York—London. 1893.
- Swan J., The Indians of Cape Flattery. Smithsonian Contributions to Knowledge, vol. XVI.
- Swanton J., Contributions to the Ethnology of the Haida. Memoirs of American Museum of Natural History, vol. 5, part 1, New York, 1905.
- Swanton J., Haida Texts and Myths. Bulletin 29, Bureau of American Ethnology, Washington, 1905.
- Swanton J., Social Conditions, Beliefs and Linguistic Relationship of the Tlingit Indians. 26 Annual Report Bureau of American Ethnology. Washington, 1908.
- Swanton J., Tlingit Myths and Texts. Bulletin 39, Bureau of American Ethnology, Washington, 1909.
- Teit J., The Middle Columbia Salich. University of Washington Publications in Anthropology, vol. 2, No. 4, Seattle, 1928.
- Teit J., The Thompson Indians. Memoirs of American Museum of Natural History, vol. 2, p. 4, New York, 1900.
- Waterman, Ancient Monuments of Alaska. Smithsonian Miscellaneous Collections, vol. 73, Washington, 1922.
- Weitzner B., Primitive Dollars. Journal of American Museum of Natural History. No. 31, New York, 1933.
- Wrangel E., Statistische und ethnografische Nachrichten über die russischen Besitzungen an der N.-W. Küste von America. Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reichs, hrsg. von C. E. Baer und G. Helmersen. Bd. I, St.-Petersburg, 1839.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- Тотемный столб. Квакиютль. Алерт Бей. 1930 г. (Фото автора.)
Тотемный столб у могилы вождя одного из родов квакиютль. Алерт Бей. 1930 г. (Фото автора.)
Индийское селение.
Современное индийское селение. Форт Руперт. 1930 г. Фото автора.
Остатки большого дома; резные столбы поддерживают балки дома. Форт Руперт, 1930 г. (Фото автора.)
Запруда для ловли лососей. Квакиютль.
Типы запруд для ловли лососей. Квакиютль.
Запруда для ловли *Thaleichthys Pacificus*.
Рыболовный крючок.
Рыболовные крючки. Квакиютль.
Наверху — копье для птиц; внизу — луки и стрелы.
Ловушки на зверей.
Гарпуны для ловли лососей.
Каменный топор с длинной рукоятью.
Каменные молоты. Племя Белла-кула.
Тесла с каменными лезвиями.
Клинья, употребляемые при раскалывании бревна на доски.
Долота с костяными лезвиями.
Ножи для резьбы по дереву.
Водонепроницаемые ящики для варки пищи. Квакиютль.
Деревянные блюда для жира. Квакиютль.
Обработка кедровой коры у квакиютль; на заднем плане лыковое одеяло в процессе плетения. Форт Руперт. 1930 г. (Фото автора.)
Шляпы, плетеные из кедровой коры. Квакиютль.
Корзины для собирания корней и раковин. Квакиютль
Сачок для ловли крабов.
Рыбная корзина.
Индианка, плетущая корзину из кедровой коры. Квакиютль. Форт Руперт. 1930 г. (Фото автора.)
Выяление лососей; на заднем плане дом для копчения рыбы.
Схема рыбалки: 1) хижины рыбаков, 2) перекладыны для выявления рыбы, 3) жилище „владельца“.
Вываривание рыбьего жира.
Женщина квакиютль с деформированным черепом.
Медная пластинка.
Жена вождя в праздничном наряде. Форт Руперт. 1930 г. (Фото автора.)
Воин-глинкит в полном вооружении.
Накидка чилкат.
Надгробный памятник одному из вождей квакиютль. Форт Руперт. 1930 г. (Фото автора.)
Тотемные столбы около домов индейцев квакиютль в селении Алерт Бей.
Надгробный памятник одному из вождей квакиютль. Алерт Бей. 1930 г. (Фото автора.)
Индийское селение.
Одно из индийских селений на о-вах королевы Шарлотты.
Лодка квакиютль. Форт Руперт. (Фото автора.)
Запруда современного типа на лососей.
Индианки, работающие вместе с китаянками на рыбоконсервной фабрике в Алерт Бей. 1929 г.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От автора	3
Предисловие	5
Глава I	
Обзор литературы	12
Источники	14
Глава II	
Территория	15
Население	—
Глава III	
Рыболовство, охота и собирательство	21
Орудия труда	27
Ремесла	—
Глава IV	
Имущественная дифференциация	31
Вожди	32
Родовая и частная собственность	34
Глава V	
Торговля	42
Потлач	48
Глава VI	
Условия возникновения рабства	53
Хозяйственное значение рабов	—
Количество рабов	62
Глава VII	
Источник рабов — война	65
Работорговля	72
Кабальное рабство	74
Рабы — мера ценностей	76
Глава VIII	
Бесправное положение рабов	78
Клеймение рабов	84
Наказание рабов	—
Глава IX	
Отражение рабства в идеологии	88
Заключение	91
Библиография	99
Список иллюстраций	102

Редактор издательства А. М. Барбанов. Подписано к печати 28/V 1941 г. М 61905
Объем 6^{1/2} печ. л. + 4 вкл. 6,75 уч.-изд. л. Тираж 5000 экз. Цена книги 3 р. 50 к.

21-я типография Огива РСФСР треста „Полиграфкнига“, им. Ив. Федорова. Ленинград.
Звенигородская, 11. Заказ № 116